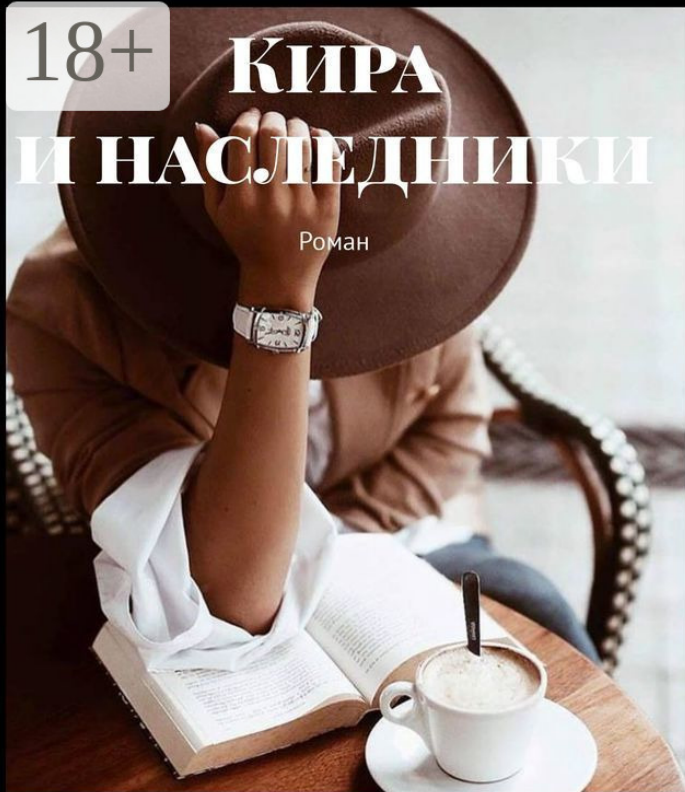

18+

КИРА И НАСЛЕДНИКИ

Роман

ДАРЬЯ ГУЩИНА-
ВАЛИКОВА

Дарья Гущина-Валикова

Кира и наследники. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36330725

ISBN 9785449328601

Аннотация

Согласно сюжету, и в дешёвой серии непрестижного издательства могут выходить книги талантливые и оригинальные; только критики и читатели не способны распознать это сразу, но лишь после смерти их автора. А незаметная девушка, обречённая на замкнутое существование, может серьёзно изменить свою жизнь, если не побоится действовать вопреки мнению окружающих.

Содержание

ГЛАВА 1. ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА 2. ИСТОРИЯ ПОМЕШАТЕЛЬНОСТИ	20
ГЛАВА 3. ВСТРЕЧА ВТОРАЯ	45
ГЛАВА 4. ЛИНИНА РАБОТА	60
ГЛАВА 5. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КИРЫ К.	71
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Кира и наследники

Роман

Дарья Гущина-Валикова

Земля, земля – весёлая гостиница

Для отбывающих в далёкие края.

Н. Эрдман

© Дарья Гущина-Валикова, 2022

ISBN 978-5-4493-2860-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

Мрачный двор-колодец, такой типичный для старого Питера, я пересекла довольно уверенно – вчера по телефону мне его описали толково, грех ошибиться. Дверь со сломанным кодовым замком, противно скрежеща, пропустила вовнутрь привычно-грязного подъезда. Одного взгляда на допотопную лифтовую шахту было достаточно, чтобы сказать себе: «Ни за что!» и двинуться пешком по лестнице. Подъезд будто вымер, несмотря на белый день. На самом верху, то есть ещё на марш выше последнего этажа, до которого дотягивал этот опасный для жизни лифт, меня встретила глухая металлическая дверь. Она скорее смахивала на ангарную, нежели квартирную, номер почему-то был написан мелом, а звонок вообще держался на честном слове.

Всё это, впрочем, мало удивляло – понятно же, состоятельные люди теперь частенько выкупают всякие чердаки либо целые гнилые коммуналки и устраивают там себе то разные пентхаусы, то просто большие квартиры с евроремонтами. А что я направляюсь к людям состоятельным, где-то на периферии моего сознания подразумевалось само собой. Женщина, которая меня ожидала, по моим тогдашним представлениям должна была иметь неплохой и стабильный доход, а кроме того, у неё наверняка имеется мужчина подобного или выше социального уровня. Так что скорее всего они

обосновались тут совсем недавно, и до внешнего вида входной двери просто руки не дошли...

Я отдышалась, поправила заколку в волосах, такую школьную, девчоночью, торопливо купленную утром взамен потерявшейся, и, малодушно украдкой перекрестившись, нажала на подозрительную кнопку.

Дверь отворилась очень быстро; в проёме появился долговязый юноша в заношенном спортивном костюме и, не выказав ни малейших эмоций по поводу моего появления, пропустил в какую-то тёмную захламлённую прихожую. Не отвечая на моё приветственное лепетанье, он с отстранённой вежливостью помог снять куртку, куда-то её пристроил и также молча указал на домашние шлёпанцы.

– Ник, это ко мне? – донёсся из глубины квартиры голос, который я слышала второй раз в жизни и от которого ещё чаще забилось сердце: голос звучно-молодой и одновременно очень низкий, что встречается нечасто. – Проводи сюда, пожалуйста!

Юноша провёл меня длинным, неприбранным коридором (никаким евроремонтом тут, кажется, и не пахло) и, оставив возле приоткрытой двери, куда-то исчез. Я, жалко потоптавшись на пороге, глубоко вздохнула и, как в воду шагая, решительно распахнула дверь. Чтобы оказаться один на один с ней, занимавшей мои мысли весь последний год напролёт.

– Здравствуйте, – тривиально выдавила я, от идиотского смущения не в силах даже посмотреть прямо, сумев лишь

робко охватить общий силуэт.

Силуэт молодой женщины, почему-то сидевшей на полу, обхватив колени руками.

– День добрый, – последовал беспечный ответ. – Ничего, что мы тут расположимся?

– К-конечно, – поспешно ответила я, исподтишка и удивлённо оглядываясь по сторонам.

По сторонам, собственно, ничего и не было, если не считать табуретки со стопкой журналов и круглым будильником сверху, клетчатого чемодана в углу, а также пары каких-то холстов, натянутых на подрамники и прислонённых к стене задниками наружу.

Ни компьютера, ни книжных стеллажей, ни какого-нибудь ручного суриката (ладно, это чересчур, – но хоть голой кошки породы «русский сфинкс», что ли), ни – чего там ещё можно было ожидать в комнате, где тебя принимает автор нескольких романов, выпущенных в массовой серии одного преуспевающего издательства: коллекции китайских масок? Японских вееров? Модели парусника?.. Ни даже завалящего письменного стола (либо уж, чёрт возьми, сервировочного – с шеренгой бутылок!). Скорее это всё отдалённо напоминало мастерскую... Но отчего я вообще решила, что она пригласила меня *к себе* домой?

Хозяйка (?), впрочем, сидела не на голом полу, как мне показалось сначала, а на матрасе с покрывалом, по цвету почти сливавшимся с вытертым ковром. Неловко усевшись

на указанный край этого самого матраса, я наконец заставила себя взглянуть на неё прямо и независимо – а то что за детский сад, в самом деле?..

Серия, в которой выходили её книги, оформлялась таким образом, что ни фотографий авторов, ни сведений о них не предусматривалось. Поэтому я впервые видела её в лицо.

Лицо, вполне простонародно-великорусское (ничего своегообычного, тем более аристократического в чертах), могло бы даже слегка разочаровать, тем более что явно относилось к тем свежим молодым лицам, которые уже содержат осторожный намёк на то, что когда их обладательницам станет под или за сорок, они рискуют превратиться в совсем так называемые «бабы» – если б не высота выпуклого лба и большие светло-карие глаза, живо меня изучавшие. Глаза настолько светло-карие, что ещё чуть-чуть, и их можно было бы назвать янтарными; глаза, отлично рифмующиеся с густыми каштановыми, просто каштановыми, без всякой рыжины, волосами, когда-то подстриженными в форме каре, а ныне сильно отросшими...

На ней был обыкновенный свитерок самой простейшей вязки, обыкновенные потёртые джинсы; обыкновенные домашние тапки валялись рядом.

– Прости, как тебя зовут? – невозмутимо спросила она. – Что-то я не запомнила...

– Лина, – ответила я после небольшой паузы.

– Лина, это: Ангелина? Полина? Капитолина?.. Нет?

Неужели... Акулина?

– Мессалина, – нашлась я. И добавила: – Шутка. Всего лишь – Алина. Никонова.

– Ах, ну да, – Алина! – коротко рассмеялась она. – А лет тебе сколько? Ничего, что я на ты?

– Конечно. Двадцать шесть.

– В самом деле? А на вид... ну, девятнадцать от силы.

– А вам? – прямо спросила я, стараясь не зажмуриться от собственного нахальства. Что поделать, если это действительно очень меня интересовало!..

– Мне? Двадцать девять. Только тогда и ты тоже безо всяких "вы» давай. Кстати, а я как выгляжу для такой цифры?

Вопрос прозвучал без тени кокетства или ревнивой заинтересованности, с видом самого простодушнейшего любопытства.

– Да не знаю... Примерно так и выглядите... выглядишь, – честно сказала я.

Чёрт, всего двадцать девять! А по моим прикидкам – если судить по сделанному – должно было быть никак не меньше тридцати пяти. Выглядела же она просто молодой женщиной неопределённых лет – тип, довольно сейчас распространённый.

– Ну, – не очень уверенно произнесла я после паузы, – может быть, мы сначала без диктофона вопросы-ответы как-то обкатаем?

– Валяй, спрашивай, – беспечно согласилась она. – Тебе

удобно тут сидеть-то?..

В ту же минуту в глубине большой квартиры что-то взревело – так бешено, что я даже вздрогнула и разом забыла все домашние заготовки. Показалось, что это электродрель, но по очень быстро приплывшему духу стало ясно – всего лишь кофемолка.

– Никита! – заметно оживившись, громко крикнула она в оставшуюся приоткрытой дверь. – И на нашу долю тоже, ладно?

Ответа не последовало; по-видимому, молчание следовало воспринимать как знак согласия. Ник – значит Никита, – машинально отметила я про себя; хорошо, что не Николай (недолюбливаю почему-то это имя). Кто он ей, интересно? Дружок, небось, – на брата, вроде бы, не похож.

– А если сначала что-нибудь просто ознакомительное? Ну, в смысле – откуда родом, что заканчивали. – «Ты» мне никак не давалось. – Читателю это в первую очередь интересно, ничего не попишешь. Вы... ты... ведь в здесь, в Питере живёшь?

– Живу? – рассеянно переспросила она. – Живу-то я... повсюду. Сейчас вот тут, но не факт, что задержусь.

Я растерянно замолкла, услышав это «повсюду», ведь была совершенно убеждена в утвердительном ответе, и намеревалась плавно перевести разговор на Москву – отчего, мол, именно то самое издательство, разве тут, на Неве, не было возможностей, ну и так далее...

Между тем к нам дотянулись какие-то совершенно восхитительные ароматы; она, легко поднявшись на ноги, бросила: «Пошли, там продолжим!»

Помещение, куда мы заявили, раньше явно было коммунальной кухней. Собственно, и теперь здесь стояла огромная плита, из чрева которой юноша как раз вынимал противень, висели посудные шкафчики, однако царили повсюду банки с замоченными в них кистями и какие-то измазанные красками тряпки.

Ну, конечно, мастерская!..

Мы усадились за длинный стол, на который она ловко набросила клеёнку, предварительно сняв с него несколько таких банок. И вскоре принялись втроём согласно уминать горячие, запечённые с сыром бутерброды.

– А пива у нас не осталось? – с надеждой осведомилась она.

Юноша скорбно помотал головой. Вместо пива, впрочем, прилагался отличный кофе в грубых керамических кружках.

– Давай-давай ещё вот этот, он с ветчиной, кажется, – решительно приказала мне она и спросила: – Так ты, стало быть, москвичка? А тут где остановилась?

– У родственников. На Литейном. А... – Я замаялась, поскольку снова постеснялась прямо спросить: а сама-то ты, всё-таки, откуда родом, прописана, в конце концов, где?..

– Спрашивай, спрашивай, – рассеянно подбодрила она, вынимая из кармана сигареты и озираясь в поисках зажигал-

ки или спичек.

Покуда она нашла коробок, потом закуривала, потом небрежным жестом приглашала желающих присоединиться (таковых не нашлось), я решила отодвинуть второстепенные вопросы и перейти ближе к делу.

– Каким образом... у тебя складываются отношения с «Дон Гуаном»? Они как-то вмешиваются в творческий процесс? Ну, может быть, ставят условия по поводу финалов или там сюжетных линий...

«Дон Гуаном», нетрудно догадаться, называлось то самое издательство, где в серии «Любовь и долг» выходили её романы.

– Да, в общем, не так чтобы слишком... Только твердят всё время: секса побольше! Самого традиционного – но побольше! Ну, надо – так пожалуйста... А в принципе-то у них установка на умеренную сопливость и конечную лучезарность. Последнее – уже посложней будет, конечно. Но вообще-то, – добавила она, – допускаются и некоторые колебания генеральной линии. Так что договориться с ними пока ещё можно.

Действительно – ни соплей, ни общей лучезарности в её вещах мною обнаружено не было...

– А названия? Они даются автором или по согласованию...

– Да предлагаю им обычно с полдюжины на выбор. Одно – более или менее подходящее, четыре – так себе, сойдёт,

и последнее – для дебилов. Угадай с одного раза, какое они в конце концов оставляют?

Н-да, вопрос – риторический...

– «Любовь и долг»! – усмехнулась она не без горечи. И пробормотала: – Всё это так же ново...

– Как белый волк и верный Казанова, – машинально продолжила я.

Она, хотя и вовсе и не экзаменовала меня специально, явно осталась довольна.

– Вот то-то и оно!.. Что с них возьмёшь... кроме прожиточного минимума. Пожалуй, надо ещё сварить.

Она загасила сигарету, поднялась, потянулась и неторопливо направилась к плите.

– А... ты вообще-то знакома с тем, что в этой серии выходит? – как бы между делом поинтересовалась я ей в спину.

– Да пыталась как-то... две или три книжки, – небрежно ответила она, взясь с кофеваркой. – Но что-то, знаешь, не пошло.

Я позволила себе понимающе хмыкнуть, и всё-таки зачем-то добавила: – Они ведь не только... новичков печатают. Ведь и маститых иногда выпускают – ну, там... – и назвала два имени писательниц-ветеранок, профессиональных, крепких беллетристок – с неистребимо-мещанской, правда, сущностью.

– Вот именно – ..., ..., – с выразительной интонацией повторила она оба имени, но тут же поправилась: – Толь-

ко: я никого не упоминала. Никаких персоналий. А то все эти подкусывания друг дружки в печати... такой детский сад склочный... Нафиг!

– Понятно, – сказала я.

– Да и про «Дон Гуана», мне бы, небось, не стоило – кормильцы, чёрт бы их взял... Как видишь, не научилась я ещё интервью давать, – усмехнулась она.

– А я – братъ, – пробормотала я почти про себя, но она расслышала и простодушно не поверила: – Да брось-ка! Мне

говорили – уж не один десяток раскрутила... Ты ведь давно в газете-то?

– Нет, недавно, – поспешно сказала я, пытаюсь увести разговор от скользкой темы. – А вот всё-таки: примерно два романа в год – это их условия или...

– Постой-постой, – протянула она, оборачиваясь, – а они, вроде, когда договаривались, сказали, что Никонова – их ведущая обозревательница, старейшая... В смысле – работает со дня основания... или даже – до дня основания... и всё такое?

У неё явно не было ни желания в чём-то меня уличать, ни даже заподозривать чего бы то ни было... И тем не менее это как-то само собой получилось.

«Ну и идиотка же ты!» – сказала я самой себе мысленно, а вслух бездарно раскололась: – А я – не Алина Никонова. Не умею я долго врать, и всё тут!..

– Та-ак, – пропела она, заметно развеселившись неожиданному повороту сюжета. – А кто ж тогда? Откуда ты, престестное дитя?

– Меня зовут Вета, – обречённо произнесла я.

– Вета, это: Иветта? Елизавета?.. А может быть, от Светы? – как ни в чём ни бывало, включилась она в игру.

– Елизавета. Баринова. Лина просто не смогла приехать, а я вызвалась ей помочь, вот и всё.

– Ты тоже журналистка?

– Нет.

Кофеварка стала подавать признаки жизни. Она вернулась к ней, не переставая поглядывать на меня с явным любопытством.

– Ну, а кто же? Чем занимаешься?

– Вяжу на дому носки. И продаю их на базаре.

Это было принято должным образом, то есть за шутку, хотя на самом деле являлось не таким уж далёким от истины. На лице юноши, дотоле безучастном, возникло сдержанно-ироничное выражение.

– Хорошее занятие, – одобрила она, подливая кофе мне, затем ему. – Но почему тогда она прислала именно тебя?

– Почему-почему, – растерянно пробормотала я, потом с вызовом бросила: – Может, я страстная поклонница!

– Правда? – спросила она, поглядев на меня без улыбки, серьёзно и внимательно.

– Ну, – с глупейшей мрачностью подтвердила я.

Юноша поднялся, и, прихватив с собой кружку, покинул помещение. Ухитрившись так и не произнести ни единого слова.

Мы остались допивать кофе, продолжив наши игры со взаимным интервьюированием. Точнее, роль интервьюера теперь полностью взяла на себя она.

– А каким-нибудь специальным образованием ты отягощена?

– Российский заочный институт текстильной и лёгкой промышленности, – уныло отчеканила я.

– Это было интересно? – осведомилась она. – И какую он тебе дал профессию?

– Конструктор изделий из кожи.

– О, – приятно удивилась она, – так ты, получается, типа дизайнер по образованию?

– Типа модельер, – подтвердила я. – Я вообще-то сперва художественное училище закончила – по ручному ткачеству.

– Так ты наш человек! – воскликнула она и, словно за поддержкой, обернулась туда, где недавно сидел Ник – забыв, что он уже отчалил.

Конечно же, она сама имеет отношение к миру художников, надо было сообразить это сразу!.. Не говоря уже о том, что живописцы, скульпторы, всякие прикладники, а также искусствоведы, пожалуй, численно преобладали в её книгах над персонажами других профессий...

– А вы, значит, художники? – спросила я. – А где учились?

– Нет, я не художница, – твёрдо ответила она. И добавила уже более рассеянно: – Училась?.. Где я только не училась...

Не похоже, чтобы ей хотелось что-то там скрывать или намеренно уклоняться от простых ответов; было впечатление, что ей просто как-то совершенно неинтересно говорить о себе. Как ни странно, но моя весьма скромная персона занимала её сейчас куда больше собственной.

Она собиралась спросить что-то ещё, когда из коридора донёлся телефонный звонок.

– Скорей всего меня. – Она поднялась с табуретки и отправилась на зов.

Я машинально сполоснула свою кружку под краном и решила, что пора отправляться за Лининым диктофоном. Надо было срочно сосредоточиться и снова задать ряд вопросов, и уже прозвучавших, и новых, – только чётко и хорошем темпе.

– В Комарово? Прекрасно, можно ночью на залив сходить погулять!.. Значит, часам к пяти подваливайте, да?.. – услышала я, проходя мимо по коридору.

Финский залив, дачи в соснах, душевные компании – эх, как же далека моя жизнь от подобных счастливых времяпрепровождений!.. Но кто, как не она, такого заслуживает...

Я открыла сумку, достала диктофон, проделала необходимые манипуляции и... поняла, что он забарахлил. Точнее, сломался по-настоящему. А с утра был исправен.

Ну и денёк!..

Я вернулась к ней, уже отговорившей, с этим горестным известием; но когда она уже собралась звать Ника – упростила не делать этого. Мне казалось неловким его тревожить, но главное – было ясно, что тут уж никто не поможет.

– Ничего, – сказала я твёрдо. – Я прекрасно запомнила весь разговор.

Что являлось чистой правдой. Слово в слово!..

В сущности, вопросы следовало продолжать и продолжать, но ото всех этих сбоев в программе голова уже шла кругом, и я раньше времени засобиралась, тем более что после телефонного разговора меня вроде особо не удерживали. Единственное, о чём я решилась спросить напоследок, видоизменив стандартное «над чем...»:

– А следующий роман – он ведь, по идее, должен выйти до Нового года?

Вопрос не интервьюера, но робкой поклонницы!..

– Где-то через месяц, – сказала она. – Он уже в печати.

Через месяц!!

– Спасибо, – официально произнесла я, одеваясь. – Окончательный текст интервью должен быть согласован. Нам нужно будет с вами... с тобой связаться, и...

– Не знаю, где я буду через неделю, тем более через месяц, – сказала она беспечно. – Хотя планирую Ярославль. Так что можете там особо не напрягаться. Целиком, как говорить, на ваше усмотрение. А ты-то, кстати, надолго в Пи-

тере?

– Завтра вечером уезжаю.

– Понятно, – сказала она и спросила вроде как чисто из вежливости: – А днём, конечно, – по культурным объектам?

– Ну... в Русский схожу обязательно. А потом – не знаю... Может, так просто погуляю – сто лет тут не была.

Не могла же я ей признаться, что всерьёз намереваюсь лично удостовериться, существует ли в действительности то кафе на Малой Морской улице, где расстались герои второго и так часто собирались персонажи третьего её романов... А также – попытаться, например, найти тот вяз на набережной Обводного канала, возле которого происходит тот запоминающийся эпизод с подростком – из четвёртого?..

– Что ж, рада была познакомиться. Хорошие у меня поклонницы!..

– Спасибо! Всего доброго.

Я снова проигнорировала лифт и спустилась пешком по лестнице, не замечая этажей, обуреваемая самыми противоречивыми эмоциями.

Интересно, что она собирается делать в Ярославле?..

ГЛАВА 2. ИСТОРИЯ ПОМЕШАТЕЛЬСТВА

Началось всё почти ровно год тому назад. Прекрасно помню тот промозглый позднесентябрьский день – плохо не то, что он был дождлив, дожди я как раз люблю (особенно, правда, дома, чтобы лампа горела и чаёк дымился), а то, что при этом злобный ветер пробирал до костей. Я возвращалась к себе в Сокольники с другого конца города, из одной фирмы, где более-менее регулярно получала заказы. Там у меня по работе случились мелкие, но выматывающие неприятности, и вдобавок я дико продрогла, не согревшись толком даже в метро.

Прекрасно зная психофизику собственного организма, я подумала, что сейчас мне, чтоб не заболеть (в планы такое ну никак не входило), совершенно необходимо проделать ряд довольно простых вещей. А именно: добравшись до дому, первым делом заставить ванну наполняться, затем согреть побыстрее чайник, чашку номер один выпить с парой пирожков, только что купленных у метро, чашку номер два – с лимоном – прихватить собой в горячую воду с морской солью, лежать там долго-долго, а после перебраться в постель уже окончательно... Вот и всё! Если не считать того, что очень желательно сочетать перечисленное с каким-нибудь расслаб-

ляющим, умиротворяющим, усыпляющим чтением.

Чрезвычайно подошёл бы, скажем, любой английский роман с каминами, кокер-спаниелями и файв-о-клоками на лужайках... Как жаль, что весь Голсуорси остался в родительской квартире. Как и Агата Кристи, и многое-многое другое. Впрочем, мне сейчас сгодилась бы любая переводная дребедень самого последнего разбора, лишь бы антураж соответствовал. Потом бы она прямиком отправилась в букинистический отдел, а то и в мусоропровод, – зато я, глядишь, поднялась бы завтра здоровенькой, хорошо выспавшейся и готовой к трудовым свершениям (работы накопилось порядочно).

Тут я спохватилась, что развалы у метро остались уже позади, а сил возвращаться – ну никаких. Пришлось заходить в книжный магазинчик, к Алевтине – благо был он почти по пути.

Алевтина, моя волею судьбы новоявленная ближайшая родственница, в одиночестве стояла за прилавком – с видом, как всегда, уныло-обречённым. Магазин был невелик – всего понемножку в неизменных разделах «Медицина», «Юриспруденция», «История» и тэпэ.

– Привет, – сказала я с порога, взясь со своим зонтом, с которого лилось на пол, – я на минуту. Каких-нибудь новых переводов с английского случайно не поступало?

Алевтина захлопала глазами.

– Фаулз был – разобрали, – наконец вымолвила она и за-

причитала: – Вся ж промокла, ну кто в такой ветровочке – да в такой холод?! Ведь заболеешь теперь!..

– Как штаны-то? – спросила я, только чтоб пресечь её нытьё.

Речь шла о джинсиках её четырёхлетнего сыночка и моего, соответственно, братца, которые я недавно возвратила к жизни, сделав на продранной коленке штопку в виде большого мохнатого паука.

Алевтина, сменив тему, радостно затараторила про то, в каком восторге была вся детсадовская группа; я же быстро пробежалась по названиям раздела «Художественная литература», где как всегда царил хаос: Рильке рядом с Рубальской, Федин – с «Итальянской новеллой Возрождения», всё в таком духе, а также невесть отчего затесавшиеся «Красивые ногти», «Корейские салаты» и «Висячие сады на балконе».

«Низкие жанры» тут, правда, пытались отделить от всего остального, отведя им несколько полок за прилавком, куда, однако, пускали порыться. Я опустилась на корточки, рассеянно слушая Алевтину болтовню, и печально воззрилась на царящее там засилье Шелдона и Даниэлы Стил. Неиссякаемая продукция родимого ныне «ЭКСМО» тогда ещё, кажется, не успела затопить всё и вся, ну, а названная американщина меня не вдохновляла вовсе; тем более – сомнительные отечественные и переводные боевики издательств-однодневок, лежавшие здесь же.

Оставался ещё только рядок книжек среднего формата – любовной серии одного нового издательства, что, в частности, как я откуда-то слыхала, усиленно пыталось раскручивать отечественные образцы в пику переводным, каковые пока упорно предпочитают наши домохозяйки. Анна Махно, Елена Унгерн, Екатерина Краснова – фамилии (псевдонимы?) у авторесс на подбор какие-то белогвардейские; это было даже забавным, но поскольку ближе всего ко мне располагалось несколько книжек с вполне затёртым именем «Кира Колесникова», я вытащила всё-таки одну из них – с отдалённо-фривольным наименованием «Одиночество втроём».

И, открыв на середине, наткнулась на абзац, где девушку, воровато инспектирующую содержимое домашнего бара, застукавший её за этим делом хозяин вопрошает: «*Ну что, уже и Бога нет, и всё дозволено?*»... Тут я сказала себе: ну, хорошо, ладно, всё равно никаких лондонских туманов мне сегодня не светит. Сил уже нет тут торчать...

В магазин ввалилась ватага мокрых подростков, ринувшихся к модному нововведению – стенду с игровыми дисками.

– Алевтина, умоляю, заплати сама за вот это! – Перекрикивая их, я показала ей книжку издали. – На днях отдам, а то мне некогда сейчас...

(Системой электронной защиты они тогда, конечно, ещё не обзавелись.)

Не помню, как добралась под несмолкающим дождём

до дома и до ванны. Зато хорошо запомнилось, как очнулась уже в остывшей воде, кое-как вытерлась, перебралась под одеяло и вновь углубилась в повествование.

Не стану, правда, утверждать, будто читала до утра, не отрываясь, забыв обо всём и проч. У меня, кстати, если книга занимает всерьёз, то никогда и не проглатывается сразу, а читается частями – ибо возникает необходимость время от времени её отложить, чтоб как-то, значит, отстоялось и осмыслилось... Вот и эта читалась с перерывами – на сон, на кофе утренний, на новости по радио, на то да на сё... Однако – не на работу, за неё приниматься тогда даже и не подумала. Последнюю страницу перевернула ближе к вечеру, совершенно выжатая. И, рассеянно повертев книгу в руках, только подумала: к чему ж тут это дурацкое название, и что ж здесь за пошлейший такой переплёт с кошмарными картинками?..

И почувствовала странное, никогда ранее не посещавшее намерение: прямо сейчас, ну, передохнув лишь малость, открыть и перечесть всё заново от начала до конца. Быть может, тогда удастся понять природу этого странного наваждения?

Кстати: никаких простудных признаков больше не наблюдалось.

Привычка постоянно прочитывать много всякого разного, в том числе и явно необязательного, полученная по наследству от моих учителей-родителей, типичных представителей

трудовой советской интеллигенции, диктовала в моей жизни многое. Я, например, наверняка единственная не только во всём доме, но даже и на всей улице, до сих пор (то есть в середине девяностых) продолжала выписывать «Литературку» и пару толстых журналов. И хотя, перебираясь не так давно в нынешнее своё жилище, взяла из родительской библиотеки лишь самое любимое-необходимое и зареклась разводить завалы случайных книг – всё равно не удерживалась и вечно покупала что-то новое.

Перебиралась я тогда недалеко – с соседней улицы, в квартиру, оставленную мне покойной тёткой, что в своё время одной из первых в Москве решилась на приватизацию. Причиной переезда стало обескуражившее меня обстоятельство – а именно то, что отец мой, всю жизнь вернейший муж, буквально поседевший после маминой смерти, – не прошло однако ж и года, как женился вторично.

Он старомодно сделал официальное предложение унылой девственнице тридцати трёх лет от роду (кого ж ещё смог бы обольстить стремительно обнищавший за последние годы преподаватель техникума, которому не так уж и далеко до пенсии?), с коей был знаком по ближайшему книжному магазину – и отказа не получил.

Когда, пряча глаза, он оповестил меня об этом событии, – я, ошарашенно промолчав минут пятнадцать кряду, затем не удержалась и процитировала сакраментальное: *«Что мужчине нужна подруга, женищинам не понять!..»* –

со всем благородно-сдержанным ехидством в голосе, на которое оказалась способна. В детстве, наткнувшись на эти и две последующие строки у Киплинга, я требовала у родителей разъяснений; уж не помню, какой именно лапши они мне тогда навешали – и вот теперь, стало быть, всплыло...

Отец совсем сник, но отступить было некуда, и покуда не съехали с тёткиной квартиры снимавшие после её смерти жильцы, на деньги которых мы в значительной мере и существовали, – пришлось какое-то время жить втроём в нашей двухкомнатной, ещё не забывшей прежнюю хозяйку. Я тогда, естественно, замкнулась в ледяном презрении; Алевтина тоже чувствовала себя прескверно, и они с отцом ходили как две побитые собаки... В довершение всего эта моя, с позволения сказать, мачеха, не нашла ничего лучшего, чем забеременеть – но тут уж я, наконец, спешно переехала, предоставив им счастливую возможность уединённо переживать свои тяжкие токсикозы.

Ну, а после, естественно, имела возможность с брезгливой жалостью наблюдать, как мой несчастный престарелый отец, полуживой от бессонной ночи, каждое утро тащится мимо моего дома на молочную кухню, затем в свой техникум, преподавать проклятым оболтусам историю и обществоведение, а вечером – домой, перестирывать горы пелёнок (даже памперсы, как раз входящие тогда в быт, были им не по карману). Всё это, вместе взятое, представлялось мне каким-то уж слишком нелепым извращением.

Свои обиды и выкрутасы, однако, пришлось задвинуть куда подальше года через два, когда у отца обнаружили рак – и прийти на помощь к Алевтине, разрывавшейся между тяжелобольным и ребёнком. Это нас примирило и сблизило, тем более что беды на неё тогда так и сыпались – ведь незадолго до того скоропостижно умерла единственная оставшаяся из родни бабка, воспитывавшая её с детства. Но держалась Алевтина, надо сказать, стойчески, и даже сумела срочно продать их с бабкой комнату в коммуналке, так как денег требовалось много и сразу...

Ну, а после отцовских похорон вдруг обнаружилось, что ни у неё, ни у меня во всей Москве не осталось практически никого из близких, кроме друг дружки. Не считая, разумеется, маленького Пашки, что, как ни крути, сделал нас родственниками. Хотя мне до сих пор было как-то странно сознавать, что это плаксивое диатезное существо – мой единокровный и единственный брат...

Тогда я как раз добила свой институт, в который в своё время пошла исключительно ради родителей, для коих диплом вуза всегда являлся чем-то вроде свидетельства о совершеннолети, и, надо сказать, – устроилась лучше некуда. Не всякий у нас к двадцати пяти годам становится обладателем собственной квартиры, и далеко не всякий имеет такую замечательную работу, что ни тебе начальства, ни сослуживцев, ни будильника по утрам.

Эту самую как нельзя подходящую моей натуре надомную работу я сумела найти в одной маленькой частной фирме, специализирующейся на разных аксессуарах. Помимо того, у меня уже имелась своя клиентура среди знакомых и знакомых знакомых. Я бралась за всё: вышивку, художественную штопку, реставрацию разорвавшихся бисерных подвесок и многое другое. Но чаще всего мне приходилось заниматься вязаньем – в большинстве случаев свитеров, которые стали у меня просто фирменным товаром. Хотя вообще-то тайной моей страстью всегда были осветительные приборы, точнее абажуры – я плела на них макраме из кожаных шнурков, экспериментировала с бисером и стразами, однако законченных вещей пока получилось немного, и лишь один экземпляр удалось однажды продать через художественный салон.

Денег, при моих скромных запросах, постепенно стало не только хватать за всё про всё, но так же и оставаться на разные нужные и полезные подарки Алевтине с Пашкой, которым, конечно же, жилось очень тяжело... Короче, существование моё было спокойным, стабильным и весьма добродетельным, и продолжалось это до тех пор, пока я не наткнулась чисто случайно на ту самую книжку.

Ту самую, а за ней остальные – я моментально отправилась шерстить развалы и книжные магазины и скупила всё, что существовало на тот момент. И ничуть не разочаровалась, вопреки опасениям. Хотя иногда, наоборот, мне дума-

лось, что уж лучше б всё прочее оказалось куда слабей, банальней и ничтожней «Одиночества» – и тогда его можно было бы с чистым сердцем счесть за случайную удачу небесталанной, но и не слишком многообещающей писательницы, каковых нынче пруд пруди. И можно было б успокоиться, а не пребывать во власти тревожного и будоражащего впечатления, так и не желавшего меня отпустить...

Однако – и «Птица счастья», и «Хор девочек», и «Цветные сны под утро», и следом новенький «Конец пути» изумляли всё больше и больше. По форме вполне, или почти, вписывающиеся в жанр любовного романа – ну, может быть, просто беллетристики с уклоном в этот самый роман – они, похоже, впервые бесповоротно убедили меня в простейшей истине: важно не о чём, но как.

Во всех этих историях о молодых провинциалах, завоевывающих столицы (любопытно, что и Москва, и Питер были представлены с одинаковой – даже не любовью, а я бы сказала, влюблённостью, что выдавало в авторе взгляд человека со стороны, трезвого и проницательного, несмотря на эту влюблённость) в период нашей всё продолжающейся новой российской смуты, увязающих попутно в своих любовных многоугольниках, опустошаясь, разочаровываясь и вновь очаровываясь, – во всех, повторяю, этих историях просто клокотала энергия какого-то отчаянья, жизни на краю.

Они заряжали беспокойством, неумолимо напоминая: су-

ществование наше – кратко, очень кратко, и посему ничего никогда не стоит откладывать на завтра – ни в коем случае, ни за что!.. Даже несколько умиротворяющие, в большинстве случаев, финалы не могли снять этого ощущения и смотрелись простой, никого не могущей обмануть, уступкой закону жанра. Своего дурацкого жанра...

Книги Киры Колесниковой тонули среди цветастогохлама на развалах, совершенно сливаясь с другими – непонятно было, кто их, вообще, кроме меня, покупает. Впрочем, факт их неизменного тиража – 10 тыс. экземпляров – вроде бы указывал на то, что худо-бедно они обязаны были расходиться, стал бы иначе «Дон Гуан» выпускать роман за романом!.. Таким же тиражом шли и все другие издания этой серии. Иногда в ней выпускали уже маститых тёток и даже некоторых мужиков советского периода с их старыми обкатанными вещами, но тон явно задавали новые имена – те «белогвардейские» и, наверно, ещё с добрый десяток прочих.

Пожалуй, нельзя сказать, что это была сплошь графомания, нет – от переводных лавбургеров (сколько ж дури мне пришлось перелистать в тот год, чтобы разобраться в ситуации!) сии творения всё-таки чаще всего отличались каким-то разнообразием приёмов, какой-никакой психологичностью и даже, пусть примитивными, но попытками неких философских умозаключений – Россия, понимаешь!.. Более того, пара-тройка авторесс писала вполне даже прилично – кто с хорошим юмором, кто – просто хорошим русским язы-

ком, что уже само по себе стало едва ль не редкостью...

Но, так или иначе, всё там у них было поставлено на поток, ничего не выламывалось из предписанных рамок – тогда как у Киры К. каждая вещь являла штучный товар, эксклюзивный образец, ручную работу. Каждая выделялась своим несомненным – стилем? почерком? манерой? – я не литературовед, чтобы знать, как там это у них называется... Короче, спутать такое с другим было совершенно невозможно, и даже любая её не самая удачная книга стояла на двадцать голов выше их самых удачных. И вообще, повторяю, никакой это был не «любовный роман», а просто литература за жизнь, просто пронзительная такая литература...

И было ясно до слёз, что вряд ли хоть один нормальный человек решит вдруг ни с того ни с сего купить глянцевою книжку неведомой Киры Колесниковой; ну, а тот контингент, что привык пачками глотать продукцию с затейливым логотипчиком «Любви и долга» – вряд ли вообще способен оценить её, колесниковские, тексты, не то что по заслугам, а хотя бы приблизительно...

В результате было стойкое ощущение, что все они выходят, как ни смешно, лишь для меня одной – и что в этом есть ужасная несправедливость! Можно было, конечно, надеяться, что вдруг какому-нибудь критику одна из её книг, как это произошло со мной, попадётся совершенно случайно, чудом, и он, разумеется, не оставит сей факт без внимания... но такая надежда была вполне призрачной.

Я поняла это окончательно, не поленившись однажды выбраться в Ленинку, в зал периодики, и заказав там несколько комплектов «Книжного обозрения» и ещё пары-тройки изданий, где имелись небольшие литературные разделы. Никакой Колесниковой там и близко не упоминалось, – как, разумеется, и в «Литературке», нестерпимо теперь унылой, которую я выписывала лишь по инерции... Поднявшись из зала периодики наверх, к панораме заснеженных кремлёвских куполов за окнами и бесконечному ряду каталогов, я решила заодно проверить, не существует ли ещё каких пропущенных мной книг. Таковых не оказалось, однако тут же вспомнилось, что бывают в природе и карточки журнальных публикаций – вот только где?

Отыскав, с превеликим трудом, нужное, я была вознаграждена: в некоем альманахе, выходящем в городе Костроме, под именем К. Колесниковой значилась повесть «Год козы». Надо ли говорить, как споро был мною оформлен заказ на тот альманах...

У повести был совершенно замечательный эпиграф: *«Здесь коза каждый день верещит „ка-гэ-бэ“/ и безумными смотрит глазами»*. Г. Калашиников. Сама же она оказалась совсем небольшой, и в ней лишь отдалённо угадывалась манера будущей Киры К.; темой опять были неприкаянность и метания раннеперестроечной поры – только сюжет разворачивался в маленьком городишке, а героями были совсем сопливые юнцы, школьники и студенты, приехавшие домой

на каникулы. Всё это было опубликовано за два года до первого, «донгуановского», романа, а написано, по-видимому, ещё раньше...

И – совпадение – в тот же день, точнее – вечер, когда я вернулась из Ленинки, мне позвонила Лина. Лина была практически единственной из всех моих друзей-подружек времён училища (в институте мне вообще не довелось ни с кем сблизиться, что, впрочем, для заочного отделения не удивительно), кто не запропал неизвестно куда, либо не обзавёлся семейством, погрязнув в нём целиком и полностью...

В училище её специальностью была роспись по папье-маше, но она и скульптурой одно время занималась с большим успехом, и шить умела просто профессионально. В начале же с медалью окончила школу с французским уклоном, где побеждала на всяких всесоюзных олимпиадах; когда потом по безденежью перевела пару современных романов, – никто из издателей поверить не мог, что ни к каким морисам-торезам она и не приближалась. К языкам Лина вообще была способна сизмальства, в свои школьные годы свободно читала в оригинале польские журналы, которые выписывали у них в семье; а когда, например, мы с ней, в безвизовые ещё времена, путешествуя по южной Эстонии, надолго застряли в одном посёлочке под Вильянди – на моих глазах произошло её пластичное погружение в эстонский разговорный (что, согласитесь, особенно значимо при низкой

контактности его носителей).

Но, конце концов, случайно попав в одно крикливое молодёжное издание, она быстро оказалась на вечернем журфаке МГУ, без проблем его закончила (очень звали в аспирантуру!) и вроде как застряла в газетной рутине – не знаю, надолго ли.

Глядя на Лину, я всегда ощущала лёгкое недоумение: отчего это природа иногда бывает так рассеянно щедра, отпуская свои многочисленные дары в одни руки – могла бы распределять их как-то порациональней, что ли... Особенно, когда не в коня корм: ведь в любой из перечисленных областей Лина, несомненно, достигла бы серьёзных высот, обладай волевым настроем и хоть каплей честолюбия, однако таковых у неё не водилось отродясь, она всегда предпочитала просто плыть по течению. По-настоящему её занимала только собственная личная жизнь – не в пример моей, богатейшая. Помимо нескончаемой вереницы романов, за спиной у Лины были уже два брака и один ребёнок, которого благополучно пасли обе бабушки поочерёдно, предоставляя ей полный простор для любимого времяпрепровождения.

Так что, назвав её Мессалиной, я не сильно погрешила против истины; хотя вообще в училище кто-то ещё более точно сказал о ней: «лениво-похотливая Алина» – поскольку, несмотря на её вроде бы вполне северно-российское происхождение (с карело-финскими корнями с одной, сибирско-казачьими – с другой стороны), присутствовала в ней

и некая, бог весть откуда взявшаяся, восточная томность...

Сие прозвище, кстати, ничуть её не смущало, и в некоторых компаниях она могла даже сама именно так и представиться, что всегда проходило на ура. Моя же безбожно затянувшаяся невинность вызывала у неё широкий спектр эмоций, от умиления до рассерженного недоумения. Вообще непонятно, что может связывать столь разных по образу жизни существ вроде нас с ней – однако частенько именно такие содружества почему-то и возникают, и долго держатся...

Вот и теперь – первое, о чём она спросила:

– Ну что, юноша бледный не оправдал ещё возлагаемых надежд?

Место этого самого юноши в данном повествовании в лучшем случае пятое от конца; я бы даже фамилии его упоминать не стала, если б она не оказалась столь говорящей: Миловзоров. Он был мне ровесником, в школе учился в параллельном классе, который, кстати, вела тогда моя мать, а теперь служил переводчиком в одной частной фирме. Раньше мы были едва знакомы, но с год тому назад он вдруг объявился и заказал мне навороченный очёчник кому-то в подарок, похожий на тот, что видал в лавке экстравагантных вещей где-то за границей, да вот купить тогда не догадался. А получив готовый заказ, стал время от времени захаживать на чаёк – так, по-приятельски.

Миловзоров был довольно красив (стандартно, я б сказа-

ла), всегда прекрасно одет, ну, и самовлюблён просто патологически. Возлагать на него надежды определённого толка по моему поводу начала вовсе не я, а сама Лина, встретив нас как-то на одной выставке в ЦДХ – в тот единственный раз, когда он туда за мной от нечего делать увязался.

Что касается меня... Как я уже, кажется, говорила, существование моё было вполне приемлемым, даже весьма приемлемым – однако порой удручало своей монотонностью. *Я человек. Быть одному – мне мало* – вот дурацкий советский поэт это сказал, а в точку. Не плохо, не скучно, не грустно, а именно – как-то вот мало...

Быть одной мне было мало не в том расхожем смысле, что замуж давно пора (о чём противно ныла Алевтина), а в том, что без новых общений и впечатлений, будь ты хоть трижды кошкой по себе, несложно и совсем одичать... Так что этот тип вносил хоть какое-то разнообразие в мои будни, пусть все его рассказы и вертелись исключительно вокруг собственной драгоценной персоны; иногда, подняв глаза от спиц или иголки на его классический профиль, я ловила себя на ленивой мысли: а что, может быть Лина права, а почему бы, собственно, и нет... Эти мысли участились и оживились теперь, когда книги Киры Колесниковой, помимо прочего, стали подспудно оспаривать моё представление, что все эти самые отношения между полами есть одна беспробудно-тоскливая грязь – представление, сложившееся на основе прочтения разных других современных авторов, а также

того, что теперь показывалось по телящику.

...Тем не менее, я, конечно, отмахнулась:

– Ну тебя, Лина!.. Скажи-ка мне лучше...

– Всё ясно, – перебила она, – клиент опять не созрел. Я ж говорю: тебе самой надо брать инициативу! Опять «ну тебя»!.. Слушай, – выдвинула она экзотическую версию, – а может, он вроде тебя уникум? Последний девственник Российской Федерации, кандидат на Гиннеса?..

– Сомневаюсь, – хмыкнула я. – Только меня это не волнует. У меня сейчас роман поувлекательней...

– Да уж, – согласилась Лина, – больно смазлив для таких рекордов... Постой-постой, что ты сказала – какой роман?..

Разочарованно узнав, что речь о виртуальном романе с романами, купленными к тому же на лотках, она лишь рассеянно протянула:

– Любишь ты читать всё подряд... Я так не умею, хотя теперь-то, как раз, придётся... У нас же – слыхала какие дела?..

И не спеша поведала, что их газета (она давно сменила тот жёлтый молодёжный еженедельник на куда более респектабельное издание) будет теперь выходить с отдельным литературным приложением, и она туда уходит. Раньше она писала статьи на общекультурные темы, теперь же станет специализироваться в основном на рецензировании новинок и интервью с авторами.

Я тут же сделала стойку, предложив ей стать первооткрывательницей нового имени «К. Колесникова» – но энтузиаз-

ма у Лины не вызвала.

– У нас, конечно, будет раздел по массовой литературе, – небрежно заметила она, – только мне, надеюсь, для него писать не придётся.

– Чёрт, Лина, ну я же тебе толкую: это только по форме лавбургер, а по сути... Да что я буду объяснять – давай привезу тебе, сама увидишь!..

И я вскоре закинула ей пару книг, и стала ждать – во вкусе Лины я не сомневалась.

Ждала, однако, долго и напрасно. Поначалу она отговаривалась тем, что занята под завязку – впрочем, так оно и было. Их приложение, начавшее выходить с января, действительно взяло быка за рога, вознамерясь объять необъятное, то есть отслеживать весь текущий издательский процесс. Писали обо всём: о новых пьесах и сценариях, о сборниках провинциальных поэтов, о мемуарах эстрадных звёзд и политиков, о переводных детективах, о книгах по философии и психологии, о «нормальной» прозе и так далее, и так далее...

Лина, как и предполагалось, выступала с одной, или двумя, или тремя рецензиями на номер, а кроме того, уже успела взять два крупных интервью с солидными дяденьками-авторами. Кого и что она только не рецензировала – всё и вся, кроме Киры Колесниковой...

Когда я, наконец, решила напомнить – Лина ответила не без раздражения:

– Да полистала я, но, понимаешь... Может это и неплохо,

но... Не хочу я светиться в «Массолите», да ещё о *таком* жанре...

– Понимаю: «полистала», – процедила я. И, не удержавшись, добавила: – Про кулинарию писать, конечно, предпочтительнее!

Я имела в виду её прямо-таки вдохновенную песнь про сборник «Кухня Востока» во вчерашнем номере.

– Да, представь себе, – сказала она, – по мне, уж лучше о кухне – это, в конце концов, часть культуры...

Ну, разумеется, – девушке, мало-мальски претендующей на интеллектуальность, и прикасаться-то к любовному роману – дело постыдное. А уж отнести его к части культуры, будь он хоть трижды оригинален!.. Даже моя тетёха Алевтина твёрдо об этом знала, и потому считала долгом, видя у меня стопку колесниковских книг, каждый раз сетовать: «И как ты можешь такое читать?» На что я неизменно отвечала: «Иди-иди, а то свой венесуэльский сериал пропустишь!» – поскольку была уверена, что эта ревнительница высокого втихаря посматривает разное мыло...

Но видеть такой пиетет перед условностями, если не сказать: просто трусость, со стороны Лины было невыносимо. Я только сказала: «Ладно, пока!», намереваясь положить трубку; она поспешила сказать:

– Ну ты, может быть, заедешь как-нибудь? Книги забереёшь, и вообще посидим, а?..

– Книги можешь у себя в редакции оставить, – ответила я.

Хотя надежд на то, что ими там кто-то заинтересуется, уже не питала.

И, положив трубку, наверно в сотый уже раз подумала: ну почему – собственно – всё это – меня – так – задевает? И какая мне вообще забота, других проблем, что ли, нет...

Недостающие экземпляры я потом себе докупила в магазине на Тверской, подумав при этом, что делаю благое дело, как-никак помогая тиражу расходиться (ни разу не видала, чтобы кто-то ещё их брал). И следить за Лениным приложением всё-таки не перестала.

К концу лета у них там полностью сложилась и отладилась система разделов и рубрик; в разделе «Массолит» последнее, в частности, назывались «Стрелялки», «Страшилки» и «Любовь-морковь». Ну и ещё «Фантастика» – из уважения к жанру, который, как я поняла, особенно жаловал ведущий раздела по фамилии Болонкин, её не посмели унизить эвфемизмом. В этих самых, помимо «Фантастики», рубриках, рецензенты как могли упражнялись в остроумии, излагая сюжеты, а также цитируя и комментируя особо восхитительные кусочки из детективов, мистических романов и лавбургеров соответственно. В результате я решила: пожалуй, всё-таки хорошо, что там нет ничего о Кире К., а то её не иначе как определили бы в «Любовь-морковь», и даже в положительной рецензии тон был бы, мягко говоря, развязным – по-другому они там просто и не умеют...

Осенью Лина, с которой мы с тех пор практически не об-

щались, вдруг прорезалась – с целью узнать, не возьмусь ли я связать для неё кардиган. Я согласилась, и она ко мне приехала; мы обсудили детали и уселись за чай.

– Выглядишь замотанной, – заметила я.

– Ещё бы: эта ярмарка книжная меня доконала. А потом вдобавок Тимка разболелся, я к ним с матерью на дачу почти каждый вечер моталась, – рассеянно отвечала она. – А теперь вот в Питер пытались отправить, в командировку. Еле отбилась.

– Почему? Съездила бы, развеялась заодно...

– Да говорю же – устала, как собака! А главное, – бессмысленно туда тащиться: Попов (ради него в основном затевалось) вроде через недельку сам в Москву собирается, здесь и пообщаемся, а Самсоновы...

– Это кто – детективщики, что ли?

– Ну да, муж и жена. У них сейчас продажи здорово подскочили,

вот они и вообразили о себе невесть чего. Держатся мэтрами, дозвониться просто нереально; это, между прочим, Болонкин сам должен делать, а не на меня спихивать!.. Мало того, что на его дурацкий «Массолит» пахать теперь вынуждают, – ещё и техническую сторону сама себе обеспечивай... Так что из-за одной Колесниковой...

– Кого-кого?! – подскочила я, не веря своим ушам. – Вы что, у неё всё-таки собираетесь интервью брать? И молчит!..

– Ой, прости, – лениво протянула она, – забыла тебя об-

радовать. Ты ведь от неё тащилась, помниться...

В этом была вся Алина Никонova – возмущаться бессмысленно.

Оказалось, «Дон Гуан» решил проплатить на их страницах рекламу своей продукции, в форме кратких интервью с ведущими авторами, плюс краткая же библиография и небольшая фотография каждого, – ну, а делать это должны сами корреспонденты приложения, включая Лину.

– Так Колесникова, стало быть, в Питере живёт? Тебе её координаты дали?

– Да они кучу разных телефонов дали – детективщиков и все этих дамочек. Большинство номеров – московские. А у твоей Колесниковой – два московских и два питерских: разбери, где она там обитает. Московские молчат; ну, я набрала один питерский наугад – там сказали (мужик какой-то трубку взял), что она до середины октября вроде точно в городе пробудет. Но я ж говорю – сняли с меня эту командировку.

– Нет, ты должна ехать, Лина, – просто застонала я. – Вдруг ты потом её нигде не поймаешь!..

– Ловить я уж точно никого не собираюсь, – проворчала Лина, – привыкла как-то иметь дело с теми, кто сам в руки просится. Вот обзвонила с полдюжины московских на предмет «не согласились бы вы встретиться и ответить на пару вопросов?» – так все как один прямо копытом бьют! Мне надо минимум шесть интервью представить: трое детективщиков,

трое – «Любовь-морковь». Не знаешь, кстати, кто из этих тёток попримечней: Краснова? Унгерн? Вахонина? Ты ж специалистка у нас по дамскому роману...

– «Приличная», как ты выражаешься, – только одна. – Я говорила ровно, стараясь скрыть закипевшую злость. – Не буду повторять, кто. Хотя точнее будет «классная». И ей, вообще-то, запахло быть наряду со всеми этими... Но мне кажется – пусть бы уж лучше в таком контексте, чем вообще нигде ни полслова...

– Вот и поезжай сама, и интервьюируй её на здоровье, – отмахнулась Лина.

– И поеду!! – в запальчивости воскликнула я. И добавила почти умоляюще: – Ну, я серьёзно, Лина – грех же упускать такое...

– И я серьёзно, – вдруг сказала она, поразмыслив недолго, но сосредоточенно. – Взяла б, действительно, да и поехала... точнее, поехала б, да и взяла – интервью это самое, ты ж человек свободный! Вязать, небось, и в поезде можно – если дневной. Какая ей разница, кто с вопросами явится... Только уж извини: за свой счёт поездочка. Командировочных не будет, сама понимаешь. Хотя... – она опять сосредоточенно помолчала, – может быть, даже удастся что-нибудь выбить задним числом, но не факт.

– Ничего, заодно Питер ведь навещу, – ответила я, изумляясь собственной решимости. – Давно собиралась...

И, таким вот образом, продолжая сама себе изумляться,

я дозвонилась в Петербург своей – из родни – седьмой воде на киселе, напросилась переночевать у них в коммуналке, после чего купила билеты на «Юность».

Лина же, в свою очередь, заставила господина Болонкина позвонить госпоже Колесниковой и договориться, что та даст интервью госпоже Никоновой для знаменитого литературного издания. Как последняя объяснила Болонкину, что будет вести беседу, не выезжая с берегов Яузы, – неведомо. Впрочем, тому наверняка всё это было до лампочки – ведь Кира Колесникова писала не фантастику...

ГЛАВА 3. ВСТРЕЧА ВТОРАЯ

Медленно бредя по Итальянской улице к Площади искусств, я лишь беспомощно про себя твердила: «Ох, блин. Вот же, чёрт возьми...» Все эти черти и блины относились к головокружительной питерской красе, да ещё и обрамлении золотой осени, которая способна и самые-то распоследние трущобы декорировать до набеганья восторженных слёз, – что уж говорить про камни и воды, мимо которых пролегал мой пеший утренний путь...

Всегда была уверена, что расхристанную Москву с её буйной эклектикой люблю больше не оттого, что сама коренная москвичка (минимум в четвёртом поколении по отцу, определённо в третьем – по матери; таких, как я, между прочим, в стольном граде не так много!); что она больше мне по нраву за способность свою, при вечной непредсказуемости и готовности к переменам, как никто, хранить особую сокровенность невыразимо обаятельных мест и уголков – знать надо, каких...

Так было во всех трёх эпохах, которые я успела захватить за свою, в общем, ещё короткую жизнь: в позднесоветские годы с их сравнительным (ну, очень сравнительным) благополучием и одновременно – налётом тотальной совковой тусклости; потом – в стремительной деградации, мраке и одичании рубежа восьмидесятых – девяностых и, на-

конец, при нынешнем рьяном ельцинско-лужковском нэпе, когда сплошная уличная толкучка ещё только-только начала сходиться на нет, и город бешеными темпами приобщается к европейской цивилизации. Питер же сейчас выглядел по сравнению с Москвой отсталым, обветшалым, запущенным – и всё равно бесконечно прекрасным, упорно вызывая образ благородного обедневшего аристократа в противовес вульгарно цветущей купчихе.

Попав в Михайловский, я не сразу поняла, что теперь к чему. В последнее (когда ж это было-то?) моё посещение Русского экспозиция его запомнилась сравнительно небольшой, компактной, отчего всё её великолепие можно было обойти не раз, а теперь... Ну да, тогда был период нескончаемых ремонтов и реставраций, а ныне всё, наконец, развёрнуто в полную мощь, во весь дворец, и дня не хватит...

Так что, довольно быстро запутавшись во всех этих коридорах и переходах вверх и вниз, я здорово притомилась, ещё не обойдя и половины. В конце концов, рухнув на банкетку, вытянула ноги и на секунду закрыла глаза. Народу было немного – не сезон и будний день, но кто-то вскоре сел рядом со мной и произнёс странно-знакомым голосом:

– Привет! Не помешаю?

Я раскрыла глаза и увидела Киру Колесникову. Киру собственной персоной; Киру, о существовании которой я забыла, пожалуй, только на протяжении последних нескольких часов... Киру – на сей раз – в клетчатой рубашке, вельвето-

вых брюках и коротких замшевых сапогах.

Конечно, она мне здорово помешала своим неожиданным появлением, к которому я была совершенно не готова. «Полный расплах», – как когда-то выражалась моя старая, ныне покойная тётка.

– Конечно, нет, – ответила я.

– Давно бродишь?

– Да. Я тут, кажется, заблудилась.

– Ищешь кого-то конкретно? – спокойно проговорила она, задумчиво меня разглядывая.

– Ну да: Серов там, Нестеров и все эти ребята, – пробормотала я.

– Ты почти у цели. Я-то ведь уже возвращалась – тебе навстречу, как выясняется. Так пойдём?..

Мы отправились к «тем ребятам», потом прошли и до самого конца экспозиции; я, впрочем, уже была в слегка оглушённом состоянии и воспринимала всё не вполне отчётливо.

– Ну что, вернёшься куда-то ещё? – осведомилась она, доколе следовавшая за мной на небольшом расстоянии.

Я честно сказала, что – нет, устала, и даже на персональную выставку в финале (не помню даже, кто там был – Филонов? Ларионов?) никаких сил, пожалуй, не осталось.

– Понимаю, – сказала она. – Это тяжело, всё за раз, когда сосредоточишься. Я вот тоже притомилась...

Что ж – пошли забирать вещи: простой куртец спортивного покроя (мой) и её куртку – замшевую, цвета хорошо про-

варенной сгущёнки. А также – тёмную широкополую шляпу, окончательно придавшую её прикиду что-то не то ковбойское, не то даже мушкетёрское. Смотрелось это, впрочем, на ней вполне органично, ни капли маскарада.

– Ну как Комарово? – спросила я, чтобы нарушить молчание. И добавила: – Я вчера услышала случайно – по телефону...

– Сорвалось Комарово! Но оно и к лучшему – видишь, сюда зато выбралась. Твоя идея насчёт Русского очень мне вчера понравилась... Торопишься?

– Нет, совсем нет, – ответила я.

– Тогда присядем?

– Ага.

Мы вышли из дворцовых ворот и нашли свободную лавочку на местной «ватрушке» с Пушкиным в сердцевине. Кира достала пачку «LM» и зажигалку, снова по привычке предложила мне, некурящей; затем не спеша закурила сама.

– Между прочим, я вчера забыла договориться о фотографии! – осенило меня вдруг. Ну, хороша «журналистка»!.. И как же повезло, что мы встретились. А вообще, – фантастика, что Кира Колесникова сидит тут и разговаривает со мной, как ни в чём ни бывало; ещё несколько дней назад я и вообразить такого не могла...

– Тут у меня нет ничего, но я могу дать один московский телефон, там что-нибудь отыщут и передадут...

Кира проговорила это как-то безучастно – неужели ей со-

всем без разницы, как будет выглядеть в газете? Несмотря на рассеянный тон, она смотрела на меня очень внимательно, сосредоточенно, словно собираясь спросить или сообщить нечто важное.

Я уже вся подобралась в ожидании, однако вопрос, который последовал, был вполне безобидно-прост:

– А ты как живёшь – одна или с родителями?

– Одна.

– А братья-сёстры есть?

Вздыхнув, я кратко изложила ей про свои родственные отношения.

Кира сочувственно помолчала и вдруг как-то очень легко и просто заговорила о себе:

– У меня тоже мать умерла – одиннадцать лет назад. Только вот мой родитель жениться больше и не думает, предпочитает свободный полёт. Так что мои братья-сёстры по всему свету раскиданы. Колесниковой, правда, числюсь только я. Хотя, по агентурным данным, и сын у него имеется в Удмуртии, и даже двойня в Пловдиве...

Она аккуратно отправила окурок в урну и, беспечно улыбаясь, добавила:

– Понимаю-понимаю, звучит не ахти как экзотично. Вот если б, скажем, три сына на Таити и дочь в Фонтенбло!.. Но – чем богаты...

Я хмыкнула, немного удивляясь такой открытости – это вам не моя, к примеру, зажатость...

– А ещё у меня есть брат по матери. От первого её бра-
ка. Ему уж сорок, он чиновник в Самаре, при губернаторе...
Редко видимся, племянников почти не знаю. – Она помол-
чала. – Вот Ник, он всегда в таких случаях сетует, говорит:
только у нас, русских, подобное бывает...

– А он что, разве умеет разговаривать? – не удержавшись,
вставила я.

– Умеет, умеет, – рассмеялась она; в её смехе прозвучала
какая-то виноватая нежность. – Только ленится... Ну что ж,
он прав – у нас, у русских, дружеские связи бывают важнее
родственных, правда?

– Пожалуй, – согласилась я.

Мы поднялись со скамьи и побрели по площади, частично
огороженной, – её мостили плиткой. На углу Кира сказала,
кивая на какой-то, тоже ремонтируемый, ход в подвал:

– А вот тут и была «Бродячая собака», знаешь?

Я не знала, я вообще мало чего знала в Питере. И в заме-
чательстве задала ей детский вопрос:

– А ты что больше любишь, Петербург или Москву?

Она, тихо посмеиваясь, покачала головой, посмотрела
на мутные воды канала Грибоедова, к которому мы как раз
подошли; затем некоторое время разглядывала теснящиеся
по обе стороны старые дома, с занавесками в окнах, бельём
на балконах, где жили и живут обычные люди, что для ме-
ня лично было особенно замечательным – в московском-то
центре такого осталось совсем немного, у нас ведь, как из-

вестно, в основном всякие офисы в полный рост, да флаги экзотических посольств на особнячках русского модерна... Наконец, она вымолвила:

– Москву, конечно, Москву, но...

– Но сейчас – Питер, – подсказала я машинально, вспоминая свои утренние ощущения.

– Точно! – быстро ответила Кира, снова пристально взглянув на меня. – В данный конкретный момент я больше люблю Санкт-Петербург.

Мы миновали канал, добрались до Мойки и зашли там в какую-то полуподвальную кафешку на пять от силы столиков, оказавшуюся совершенно пустой. Где она взяла себе двойной эспрессо, а я – чай с лимоном. После чего рискнула предложить некогда излюбленную игру, спросив:

– В чём сбой – в Москве или в кофе?

– Сбой?

– Ну, я имею в виду, что в этом банальном ряду предпочтений: «Москва – чай – собаки» или наоборот, «Питер – кофе – кошки» и так далее, почти каждый человек, по моим наблюдениям, вдруг на чём-то словно сбивается и нарушает логическую цепочку...

– А «так далее» – это...?

– Ну, как же, – обычно ж все выстраивают всякие пары типа Ахматова – Цветаева, Пастернак – Мандельштам, Толстой – Достоевский, или там вообще: опера – балет, кино – театр... Дело известное.

– Ну да, продолжай...

– Ну, и вот, допустим, Бродский. Конечно, его приоритеты: Петербург – кошки – кофе – Мандельштам...

– Ясное дело, – подтвердила Кира, слушавшая вполне заинтересованно. – И?..

– И потом вдруг: Цветаева вместо Ахматовой! При всём известном пиетете к последней. Не странно ли – хотя бы на первый взгляд? Вот я и хотела узнать, что в твоей линии норма, а что как раз нарушение – кофе или Москва?

Кира рассмеялась:

– Кофе я вообще-то потому заказала, что не признаю чай в пакетиках. На мой привередливый вкус это всё равно что кофе растворимый, его терпеть не выношу. Впрочем, – добавила она, – было время, по полбанки какого-нибудь мерзейшего «Пеле» за ночь – и ничего. Разбаловались мы тут за последние годы!.. А в принципе-то – лучше настоящего хорошего чая, по мне, ничего и не бывает. Так что можешь смело записывать: Москва – чай – собаки – Пастернаки... – Тут она ненадолго задумалась, после чего сказала: – Но, пожалуй, – Ахматова. Вот тебе мой сбой!.. А что, кстати, Толстой – он по «московской» линии?..

– Обычно, конечно, по ней, хотя...

– Хотя?.. – подбодрила она.

– Хотя, по-моему, и Достоевский с его наворотами буйными вполне вписывается в московский стиль, не хуже Льва Николаича, просто весь этот антураж петербургский в его

сюжетах на первый план вылез, как и у Пушкина, кстати...

– Точно, Вета-веточка, точно! – воскликнула она весело. – Так что и Достоевского пристёгиваю не глядя, сбой это будет или нет... Ну, а ты?

– Я? – удивилась я. Удивилась тому, с какой горячей заинтересованностью был задан этот вопрос, который мне не задавал никто, который никогда не интересовал никого... И кем, в конце концов он мне был задан, подумать только... Ответ мой, однако, был совсем прост, он лежал прямо на поверхности: – У меня – всё то же самое, один к одному.

– Серьёзно?

– Конечно. А что тут такого удивительного? – Я даже пожала плечами с видом воинственной независимости; должно быть, со стороны это даже выглядело по-детски забавным.

– Так ты – наш человек, – повторила она вчерашнее.

– Ещё неизвестно, кто тут чей «наш», – пробурчала я, испытывая прилив дурацкого смущения.

Она только улыбнулась в ответ – тепло так улыбнулась, ничего не сказав.

Мы выбрались из кафе и медленно двинулись по набережной в сторону Невского.

– Теория, конечно, занимательная, – неожиданно продолжила Кира, останавливаясь, чтобы вновь закурить, – только...

– Слишком всё упрощает, и пары эти – больно по шаблону? – подсказала я, когда пауза затянулась.

– И это тоже. А ещё вот что: всякие эти, знаешь, «любишь – не любишь»... Кира опять замолчала, задумалась, совсем ушла в себя.

Я, выждав, рискнула продолжить:

– Да понятно, это – как с Питером; то есть, в смысле – собак, допустим, мы любим больше, но если какой-нибудь особо выдающийся кот прыгнет вдруг на колени... – Говоря «мы», я, однако ж, имела в виду главным образом её; я, кажется, уже тогда разгадала эту натуру, способную безоглядно любить только то, что здесь и сейчас, на что упал заинтересованный взгляд – а уж жизнь да судьба, небось, щедро предоставляют ей всё новые достойные объекты... не то, что некоторым...

– Именно, дорогая, именно, – ответила она, снова одаряя благосклонной улыбкой, а затем вдруг, неожиданно заглянув прямо в глаза, быстро и серьёзно произнесла: – Вета, расскажи мне про своё самое первое впечатление от моей книги. Что это для тебя было?

Тут я снова очень удивилась, если даже не изумилась – насколько просительно сие прозвучало, несмотря на требовательность. Ведь я, в принципе, была совершенно уверена, что Кира Колесникова – отнюдь не наивный самородок, но существо, которое цену себе знает – ну, или почти знает... Знает, невзирая на всю свою безвестность, на изначальную скомпрометированность жанра, к которому приписана, на крайне низкий среди высоколобых и относящих себя к та-

ковым статус своей книжной серии (ну, действительно, кому б в голову пришло выискивать там жемчужины, кому?) ... А поскольку – всё равно знает, то что тогда её мнение девочки с улицы? Во всяком случае, – столь явная в этом мнении заинтересованность...

Как затем выяснилось – я, в общем, не ошибалась: Кира Колесникова вполне сознавала, что имеет как минимум серьёзные способности к литературному творчеству, а кроме того – *имеет, что сказать* в этом самом творчестве при этих самых способностях. Но я и предположить тогда не могла, насколько, при всём том сознании, написав конкретно вот эти пять, нет, аж шесть, романов за последние четыре года, в первый из которых впряглась почти случайно, а следующие тянула, уже не успевая опомниться, – насколько она была не в силах отстраниться и трезво оценить, во что, собственно, ввязалась и куда её, в конце концов, занесло. И посему – как сильно нуждалась в свежем взгляде человека со стороны. Человека обязательно незнакомого, непосредственного и равнодушного. И что именно это и подвигло её отложить все дела и отправиться в Русский музей – дабы найти меня там!..

– Что это было для меня? – переспросила я в некотором замешательстве. – Ну, конкретно-то это было «Одиночество втроём». Абсолютно случайно – хотела поболеть в обнимку с какой-нибудь книжонкой новой, непритязательной, – желательной переводной. Но, к счастью, переводной не попало...

И, в общем – просто шок какой-то: так здорово и, главное, так неожиданно! Притом, что некоторые места меня там раздражали, да и финал... не очень убедительным показался. Всё равно... Я даже вылечилась сразу, честное слово!

– Про эти места ты мне потом ещё изложишь детально, – спокойно отметила Кира. («Тебе, что, правда этого хочется? – подумала я. – Ничего себе!...») – А пока скажи вот что... Сам сюжет – сюжет, я не о фабуле, понимаешь, – выстроен достаточно интересно? Цепляет?

– Ну конечно! Даже слишком – почти как в авантюрно-приключенческом чтиве. В этом, прости, даже привкус дешёвки какой-то чудится иногда, однако...

– Ясно. Приличная проза должна быть скучновата.

– Н-необязательно, – проямлила я, уже раскаиваясь за «дешёвку».

– Должна-должна, – продолжала подначивать она. – Ты припомни программу-то школьную: неужто всё подряд – на одном дыхании? И про мир, и про войну?..

– Ну, по-разному бывало...

– И как же ты поступаешь, если книга, конечно, хорошая, да уж больно длинная?..

– А ты? – слегка огрызнулась я.

– Отправляю на полку.

– Этак можно и неучем остаться, – произнесла я рассудительно. – Этак и добрую половину классического наследия не одолеть...

Мы рассмеялись.

– Ты, Веточка, прелесть, – пробормотала она сквозь смех, но, отсмеявшись, сказала: – А ведь я серьёзно спрашиваю!

– То есть: как быть, если прочесть – дело чести, а вот... не идёт? – Я пожала плечами. – Ну, не знаю. По-разному... Всё зависит – действительно ли это дело чести; да и от того, когда читаешь, в который раз. У меня часто бывало: открываешь, значит, в первый раз нечто, как отрекомендовано, совершенно выдающееся, и... Либо вдруг сразу начинает активно не нравиться почему-то, либо – элементарно кажется нудным и затянутым... А у меня в этом отношении дурацкая такая добросовестность, родительская выучка. Короче, заставляешь себя добить до победного конца; кажется, вот сейчас закроешь с облегчением страницу последнюю, с полной уверенностью, что – навсегда... Что можно, значит, поставить мысленно галочку, где надо и – если не забыть, то задвинуть куда-то... на периферию сознания...

– И что же дальше?.. – поторопила Кира, когда я рассеянно примолкла, не зная, как сформулировать дальнейшее.

– А дальше – закрываешь, значит, эту последнюю страницу, и... Ну вот, знаешь, бывает – перед тем, как дверь, уходя надолго, надо уже захлопнуть, – а ты стоишь на пороге, мысленно так охватываешь взглядом всю квартиру: уют там, краны, форточки, да?.. Так вот и тут – вспоминаешь разом прочитанную вещь, как бы напоследок выключатель щёлкает и освещает всю её целиком... Тут же вдруг: бац, и пони-

маешь: чёрт, а ведь это, вообще-то... великое произведение, из тех, что – ну, типа на всю жизнь с тобой... – Говоря это, я даже немного смутилась – не слишком ли пафосно?..

– И какие, например, это были книги?

– Да мало ли!.. Да хоть «Москва-Петушки», хоть «Лолита» в первый раз, хоть «Доктор Живаго»... Или там «Котлован» какой-нибудь и вообще Платонов... Да что Платонов – Фёдор Михалыч местами с таким скрежетом шёл – это уже потом было странно: отчего так? Задним-то числом всё-всё казалось чрезвычайно интересным и значительным!

– Ясно, – сказала Кира. Затем усмехнулась вполне добродушно: – Колесникова тогда, по идее, должна дать обратный эффект...

– Не знаю, – честно выдохнула я. – Понятия не имею. Какие тут, вообще, могут быть правила? Одно могу сказать: пока держит. И даже очень сильно! И перечитывать хочется...

– Ну, что ж, спасибо за подробный ответ, – ровно произнесла она, подводя итог.

Мы уже были на Зелёном мосту, где начинался Невский и толклось множество народу, в основном туристов. Она сказала, что ей надо к метро; нам было в одну сторону. Мы двинулись молча – не столько из-за толчеи, сколько, по крайней мере, я, из-за полной опустошённости от такого разговора; как же, получается, отвыкла я от интенсивных общений с кем бы то ни было... На подходе к станции «Невский проспект» она полуобернулась и лаконично напомнила: – Теле-

фоны.

Пристроившись в каком-то углу, я нацарапала под её диктовку московский номер.

– И свой запиши. Надеюсь, ещё увидимся, поговорим.

В это я, положим, не поверила – простой жест вежливости, не иначе, никакого продолжения не будет. Впрочем, всё равно приятно; я нацарапала свой домашний и оторвала ей этот клочок бумаги, который был небрежно отправлен в чуть потёртый замшевый карман (кажется, она вообще была без сумки)...

Ну, что же – каждой своё: одной занятная болтовня с милой (надеюсь) девочкой, другой – нежданно приваливший и богатый улов впечатлений; то-то будет детальных воспоминаний долгими зимними вечерами по-над вязальными спицами... О чём ещё можно мечтать в моём случае?

Проводив взглядом её шляпу, напоследок промелькнувшую в толпе у входа в подземку, я побрела пешком в сторону Литейного.

ГЛАВА 4. ЛИНИНА РАБОТА

Через несколько дней я предъявила Лине свои трофеи: сломанный диктофон, блокнот с питерскими записями и готовый кардиган.

Диктофон её расстроил не слишком – действительно, при таком множестве ошивающихся вокруг мужиков о нём будет кому позаботиться. А вот прочитав мои записи (которые, разумеется, целиком относились к первому дню), Лина тихо рассвирепела:

– И это всё?! А где она родилась? А что закончила? Неужели

трудно было выяснить такую ерунду!..

Она бы шумела и дальше, но удачно получившийся кардиган её сдерживал. Недвусмысленно дав понять, что ничем кроме рукоделия мне в жизни заниматься не следует, она снова его примерила и снова осталась довольна.

Что говорить, крыть мне было нечем, абсолютно нечем. Ибо моё, например, знание того, что у Киры К. имеются братья в Самаре и в Удмуртии, или что случались у неё крутые ночи, полные «Пеле», – объяснялось только лишь одним: она сама, по собственной инициативе это выложила.

Я ведь вообще так по-дурацки устроена, что мне безумно трудно спросить у даже вполне располагающего к общению человека о простейших вещах вроде: а сколько вам лет,

а живы ли ваши родители, а есть ли дети, а в каком заведении учились... Всегда инстинктивно предпочитаю, чтоб такое выяснялось само собой – или сам сообщит, или другие потом расскажут. Куда проще уж попытаться узнать что-нибудь отвлечённо-нейтральное: а Москву вы предпочитаете или Питер, весну, там, или осень... Короче, отправляться для интервьюирования, тем более отнюдь не пространного, а чётко-ознакомительного, было с моей стороны авантюрой просто головокружительной. Удивительно, что я вообще хоть что-то оттуда привезла...

Лина, конечно, потом быстро сделала всё, что надо: позвонила по выданному Кирой московскому номеру, договорилась с её, по-видимому, друзьями, что редакционный курьер съездит к ним за фотографией, а ещё преспокойно у них узнала, что родом Кира из города Краснозёрска, где до сих пор и прописана, что живёт «то здесь, то там», а училась она когда-то в Литинституте, но бросила.

– Где это – Краснозёрск? – тупо спросила я.

– Господи, ну откуда я знаю! – простонала Лина с тихим негодованием. – Сколько ж возни с этой Колесниковой! Наконец-то я с ней закончила, у меня и без неё сейчас запарка!..

И всё-таки профессионализм есть профессионализм, – Лина подтвердила его, надо признать, блестяще, когда соорудила из обрывочных сведений нечто связное, стройное и гармоничное, опустив все выпады против «Дон Гуана», од-

нако ж при этом сумев и оставить легчайший саркастический оттенок пренебрежительности к этим кормильцам-работодателям... Хотя, конечно, в данном случае оценить уровень лининой работы могла только одна я, знавшая, из какого сора это взялось. Ну, а вообще – обычное блиц-интервью, как и все прочие из этой серии, то есть вполне стандартные вопросы-ответы, предваряемые очень кратким предисловием с неполным перечнем опубликованных вещей, венчаемым сакраментальным «и др.»...

Правда, фотография была отобрана запоминающаяся – Кира смотрела в объектив без улыбки, отрешённо, совершенно вся в себе, и это выглядело с какой-то убедительной значительностью. Так что я, успевшая узнать её будто бы вполне пушистой и разговорчивой, я, которую она, как выразились бы в романе XIX века, «обласкала», – поняла вдруг, насколько всё это на самом деле было поверхностным, насколько вся её подноготная осталась совершенно мне неизвестной...

Ну, и неужели ж никто теперь не клюнет, не поведётся хотя б на этот впечатляющий образ? Никто-никто, не обольщаясь, мрачно сказала я себе; все ленивы, нелюбопытны и предвзяты изначально. А и какая, опять же, тебе забота; эта проза безумно радует и заводит, а иногда выводит из себя – *тебя*, и вероятно, ещё какое-то количество неизвестных тебе людей, вот и прекрасно! Остальное пусть заботит саму Киру или её издателей. А тебе – тебе впору заниматься сво-

ими собственными делами...

Впрочем, это несчастное интервью вышло не скоро, а где-то в декабре, ближе к Новому году. А ещё в начале ноября в продаже появился «Шоколад с кайенским перцем» – роман, который я до сих пор считаю одной из самых лучших Кириных вещей, ну, может быть, на пару с «Карточными домиками». Лучшей-то, кстати, ещё не значит «любимейшей» – последней для меня, например, является «Птица счастья» («непропечённая», по Кириному выражению, но это к слову...).

Я уже успела его не только купить и прочитать, но и перечитать, когда однажды утром у меня раздался звонок, и мужской голос нетерпеливо потребовал Вету. Затем он скороговоркой поведал, что давно должен передать тут кое-что от Киры Вадимовны, а посему, если я сегодня вдруг окажусь в центре, – то он с двух до четырёх намеревается быть в кофейне у метро «Кузнецкий мост». На нём такой длинный клетчатый шарф. Отбой.

Тоже мне, знак отличия!.. Что теперь, бродить между столиков, оглядывая каждого мужика? Или, может быть, это совсем маленькое заведение? Я не имела ни малейшего понятия, поскольку ни разу не посещала эти новооткрытые дорогостоящие заведения в центре города.

Залитое неонем помещение, которое я обнаружила, толкнув стеклянную дверь, – оказалось внушительным, но почти пустым. У витрины с кондитерскими изысками две ре-

клямного вида официантки лениво переговаривались с подобного же вида секьюрити, а у окна сидела пара. Мужик, кроме заявленного шарфа обладавший маленькой лысинкой и длинными патлами, первый поднялся мне навстречу.

– Вы – Вета? Тогда – вот тут, – он достал дипломат, долго там рылся и, наконец, протянул бумажный пакет.

– Спасибо. Значит, от Киры?

– Да. Она просила – была проездом – а я был занят...

– Спасибо, – повторила я. И всё-таки, помимо собственной воли, осмелилась выдать из себя неуместно-любопытный вопрос: – Проездом – куда?

– Вроде – в Краснозёрск к себе собиралась, – немного подумав, ответил тот. – А там – бог весть. Присоединитесь? – добавил он так же отрывисто и исключительно из вежливости.

И, услышав столь же вежливый отказ, с явным облегчением вернулся к своей девице за столик, где у них помимо чашек и рюмок громоздились какие-то раскрытые папки.

Пакет я развернула на улице. Там был «Шоколад» с кириным автографом: «Вете в память о наших разговорах понад-Мойкой и с надеждой продолжить их где-нибудь на Оленьих прудах». Чёрт побери, тыщу лет не ходила на Оленьи – но с тобой бы, Кира!... Но разве я говорила ей, что живу в Сокольниках? Должно быть, всё-таки сказала вскользь, а она не забыла, вот и бросила взгляд на карту Москвы, когда книгу надписывала. А надписывала же, небось, целую стоп-

ку, на ходу сочиняя каждому адресату нечто приличествующее – так что, особо не обольщайся, Вета-веточка...

Но всё равно – разве ж могла я вообразить ещё пару месяцев назад, что получу новинку прямо из её рук? Как показывает практика, чудеса-таки случаются!..

Да, а всё же, однако, – что это за Краснозёрск такой? На обратном пути я заехала в районную библиотеку и попросила там в читальном зале энциклопедию «Города России». И со стыдом узнала, что, вопреки моему представлению, сие название – отнюдь не плод революционных переименований, что Краснозёрск – исконное имя довольно старинного городка, стоящего на одноимённом же озере, расположенного, в свою очередь, на стыке трёх северных областей; ну как это я ухитрилась даже ни разу о нём не услышать?

Итак: *«Население – 63 тыс. чел. в 1992 г. (всего-то!..) ... Впервые упоминается в летописях в начале 13 в. (ого! почти нам ровесник!) ... В конце 14 в. вошёл в состав Великого княжества Московского...»* Так, так: *«В 19 в. теряет торгово-промышленное значение, сохраняя лишь административные функции уездного центра. В начале 20 в. в городе работают воскосвечные, мёдотопильные, гончарные предприятия. Население занимается также огородничеством, рыболовством и торговлей (2 ежегодные ярмарки). Открыты земская больница с аптекой и богадельня. Имеются реальное училище, женская гимназия, общественная библиотека и книжная лавка. (Прям цивилизация!) В современном*

Краснозёрске (внимание!): кирпичный завод, завод фарфоро-фаянсовой посуды, художественно-промышленный комбинат (производство традиционной лепной игрушки, декоративных керамических изделий), пищевые и деревообрабатывающие предприятия. Филиал Костромского педагогического института. Народный театр. Историко-художественный музей с картинной галереей (интересно, что там у них выставлено?)».

Что ж, совсем неплохо для такого маленького заштатного городишки!.. Далее: *«Хорошо сохранилась рядовая застройка 18 – нач. 20 вв. Бывший Знаменский монастырь нач. 17 в. ... Церковь Андрея Первозванного с луковичными главками, высоким крыльцом и открытой галереей... Четырёхстопный Благовещенский собор в стиле позднего барокко...»* Эх, целый мир, о котором я до сей минуты даже понятия не имела, как, впрочем, и ещё о множестве других городков, не входящих в Золотое кольцо и потому, как говорят, обречённых на медленное умирание...

Да, всё-таки странно, что Кира оттуда родом; хотя вид у неё был совершенно столичный, из её текстов можно было понять, что она наверняка откуда-то из провинции – но если б меня попросили угадать, то, наверно, подумав, я назвала или какой-нибудь, допустим, относительно крупный и, как мне представлялось, интеллигентный Петрозаводск, или, скажем, старинный западный Выборг, а то и вовсе – город науки Новосибирск... (Не была нигде из вышеперечис-

ленного; всё – лишь домыслы или интуиция, как получается, обманувшая.)

Но вот, поди ж ты – Краснозёрск! Может быть, когда-то и славный, но теперь наверняка очень бедный, запущенный – такие городки и раньше-то были в загоне, а сейчас там, пишут, хроническая безработица, невыплата зарплат и полное обветшание жилого фонда...

Дома я посмотрела на первый, ненадписанный экземпляр, в одночасье ставший лишним – кому б его подарить? Лина отпадает; можно, конечно, попытаться провести просветительскую работу с Алевтиной – не совсем же она, чёрт возьми, безнадёжна! – да только обилие, как на грех, в «Шоколаде» жаргонных выражений и даже привкус криминальной интриги (и как только «Дон Гуан» это проглотил; нет, Колесникова у них точно белая ворона!), пожалуй, способны её отпугнуть – с неё, несчастной, станется...

Но не Миловзорову же его вручать, в самом деле!.. Миловзорову – который, кажется, кроме «Спорт-экспресса» и глянцевого журналов для мужиков читает ещё разве что свои специальные тексты на английском. Хотя – почему б не попробовать ради эксперимента? Так сказать, Киру Колесникову – в массы новой трудовой офисной интеллигенции (которую тогда ещё не успели обозвать планктоном)...

А, кстати, куда этот Миловзоров запропал, давненько что-то не заглядывал?..

Куда он запропал, выяснилось довольно скоро.

Интервью с Кирой вышло в конце декабря; Лина, тепло и поздравляя меня по телефону с Наступающим, сообщила, что успела получить за нашу совместную работу трудовую копейку, точнее полушку, – как раз на бутылку, и по сему поводу стоит, конечно, увидаться, но только теперь уже после праздников, кои у неё расписаны целиком и полностью. Я и не сомневалась, что дни её ждут феерические, это не наши с Алевтиной бдения у телевизора с приглушённым звуком, дабы не проснулся за стенкой маленький домашний тиран...

В январе я сидела у Лины – на «Электрозаводской», в её небольшой квартирке, полностью заваленной, помимо книг, газет, журналов и дисков, детскими игрушками, владелец которых, как всегда, отсутствовал. Полуосыпавшаяся ёлка в углу так и не разбиралась, хотя Старый Новый год уже пару недель как миновал. Лениво-похотливая Алина возлежала на тахте и утомлённо перечисляла все мероприятия, как светские, так и обыкновенные, вроде попок на работе и у знакомых, которые ей пришлось почтить своим присутствием. Мне оставалось внимать этому примерно так, как внимала раньше какая-нибудь бедная родственница рассказам родственницы богатой об утомительных балах у генерал-губернатора...

Раздавшийся звонок в дверь (подъезд был без домофона) её озадачил; «Странно, никого не жду», – недовольно пожалала

она плечами и побрела открывать.

– Извини, я без звонка, – послышался чей-то уж больно знакомый голос, звучащий с интимной пониженностью. – У меня батарея у мобильного села. Был тут рядом, решил тебя увидеть...

– У меня Вета, – объявила Лина после паузы, – мы собрались выпить по поводу...

– Вета?.. Вета, здравствуй, – робко и одновременно нагло произнёс Миловзоров, заглядывая в комнату.

И, помявшись лишь мгновение, сходу начал плести что-то по поводу своего неожиданного появления... Я почти не вникала. Было ясно как божий день, что объявился он тут не случайно, то есть – случайно, конечно, но отнюдь не впервые. А уж где и когда они там успели пересечься и задружиться – какая мне разница...

Лина смотрела на меня взглядом, говорящим: «Ну, ты сама, извини, виновата – ни себе, ни людям... Что ж удивляться, если кто-то взял да и воспользовался...»

– Мне пора, – попыталась я ретироваться.

– Ну, ещё чего! – возмутилась она совершенно искренне. – Зачем я обед готовила?

«Так не пропадёт теперь твой обед», – хотелось ответить мне, однако я всё же безвольно уселась с ними за стол, где были выставлены целых две бутылки «Московских каникул» – простецкого, но весьма любимого нами красного вина с привкусом шиповника, – та, что прикупила Лина на наш

гонорарчик, и та (неужто совпадение?), что притащил с собой Миловзоров...

Пока последний, как ни в чём ни бывало, исполнял вдохновенную песнь о себе любимом, а Лина старательно делала вид, что всё в полном порядке, — я молча анализировала собственные эмоции. И к концу обеда пришла к выводу, что всё это колышет меня не особо. То есть, конечно, неприятное удивление имеет место быть, — но никак не более того. Да если б мне Лина сама обо всём честно сообщила заранее — то и говорить-то было б не о чем; можно подумать, кто-то тут кого-то способен забронировать!.. Воистину, меня теперь занимали совсем другие вещи.

Когда я засобиравалась домой, Миловзоров даже сделал вид, будто нам, само собой, по пути в наши Сокольники — но тут уж я соврала, что мне ещё нужно ехать в центр, к заказчице. И покинула Лино гнездо с явным облегчением, с каким навсегда закрывают последнюю страницу учебника — скучного, но необходимого.

ГЛАВА 5. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КИРЫ К.

Недели три спустя, я как всегда сидела днём дома, трудясь над заказом. Отлично помню этот заказ – свитер из собачьей шерсти, на груди которого требовалось изобразить портрет скочтерьера (фото прилагалось). Несчастливая псинка, которую как раз накануне обстригли, погибла под колёсами БМВ – и как!.. Её хозяйева из соседнего дома – мама и сын лет десяти, придя ко мне с пряжей и фотографией, глотали слёзы: вся улица видела, что их Кляксу, спущенную с поводка и скромно трусившую по самой кромке, подлый лимузин сшиб совершенно намеренно, проделав для этого целый трюк и весело отсальтовав затем фарами... «Ну что она ему сделала, а? – вопрошала женщина, простая бюджетница. – Мы для них – пустое место, так и не замечали бы, нам и лучше! Нет, надо последней радости лишить!..»

Я тоже вскипела, от души пожелав этому гаду разбиться в своей поганой тачке в лепёшку, нет, лучше – взорваться так, чтобы его мелкие фрагменты долго собирали по всей округе. И, хоть сама идея с портретом лично мне показалась сомнительной – почти как набить из Кляксы чучело и поставить на видное место! – я согласилась: пускай малец носит, если это будет его греть в обоих смыслах. И даже решила,

что плату с них возьму чисто символическую – при том, что пряжи тут явно не хватит и придётся добавлять из собственных запасов.

Я выполняла эту благотворительную акцию под чинную клавесинную музыку, льющуюся с кассеты, что подарила мне на Новый год Алевтина, когда раздался телефонный звонок.

– Привет, Ветка! Поздравляю тебя со всеми прошедшими праздниками сразу – уж извини за такое опоздание! – Голос Киры был бодр, тон, как и прежде – безмятежно-благожелателен.

– Кира?! – изумилась я. – Спасибо, и тебя, разумеется...

– Давно хотела позвонить – всё никак не получалось. Хлебодаров тебя тогда нашёл?

– Кто?.. Ах, да, конечно – только он представиться забыл...

– С ним бывает, он такой... Прочла?

– Ну, разумеется!!

– И как?

Вопрос был задан мимоходом, и, следовательно, требовал подобного же ответа – быстрого и ёмкого.

– Б-брутально! – выдохнула я, чуть подумав.

Кира рассмеялась:

– Между прочим, не ты первая охарактеризовала именно этим словом...

– Вот видишь!.. Ой, а интервью-то к тебе попало? Жаль,

что оно такое маленькое и вообще, по шаблону, но иначе там и быть не могло, ты ж понимаешь...

– Да, спасибо. Всё нормально, не бери в голову, – беспечно ответила она. – Я чего звоню: ты как, вечером занята? Нет? Тогда – малость развеяться не желаешь? Мне сегодня, как ни плачь, – тридцать стукнуло. Ш-ш, – тут же прервала она мои возгласы, – это я тебе почти по секрету. На этом решено не заикливаться. Поздравления и подношения исключаются. Мне тут уже и так, можно сказать, коллективный подарок сделали – завтра в Англию лечу на пару недель, к знакомым по вызову.

– Классно! – не могла не одобрить я.

– А сегодня просто один приятель свой вечер поэтический проводит – у знакомой нашей тут такой частный маленький салон образовался... У него тоже как раз день варенья, только дата не круглая. Вот заодно такая общая тусовка и намечается, всякой твари по паре. Поговорить, правда, толком вряд ли удастся – но хоть вот его, Севу Кладько, послушаешь. Он такой мистификатор – может, тебе будет занятно... Так что подъезжай часикам к семи; адресок такой...

Ну, разумеется, она – Водолей, самый творческий знак, могло ли быть иначе... А что это ещё за «маленький салон»? По идее, таковой должен просто собираться на чьей-то квартире, однако, судя по адресу, вырисовывалось нечто вроде клуба. Интересно также узнать, а чего туда, собственно, надают; как же давно я нигде не бывала...

Не придумав ничего лучше новых джинсов – обычных чёрных «Ли» и одного из моих фирменных свитерков, я накинула наверх лишь лёгкую осеннюю куртку – начало февраля, а в Москве уже тепло и сыро, разгар весны, да и только. В семь я была на «Пушкинской»; выйдя на буйно освещённую Тверскую и поозиравшись по сторонам, двинулась в направлении нужного переулка, свернула туда и вскоре нашла искомую подворотню.

Двор, что за ней скрывался, был глух и совершенно тёмный – и не скажешь, что в двух шагах отсюда главная улица главного города самой огромной страны... Надо же, прям стихи получились, отметила я, не решаясь ступить на эту пугающую территорию, но к счастью, следом тут же подросла небольшая компания, по чьим репликам стало понятно, что ищет она тот же самый вход. Незаметно присоединившись, уже через несколько минут я ввалилась вместе со своими попутчиками в какой-то полуподвал, встретивший с порога ярким светом и ненавязчивым французским шансоном на фоне людского гомона.

– Свои, свои! – крикнула подросевшая Кира неприметному мужичку на входе, пытавшемуся выяснить, кто мы и откуда.

Компания с шумом её обступила, вручив неслабый букет, который я и не заметила в темноте.

– Подарок за мной, – успела шепнуть я, когда она ко мне подошла, освободившись ото всех приветственных объятий.

– Брось, тебе говорят. Здесь всё по-простому, сама увидишь. Раздеваются вот тут, выпить берут вон там. Расслабляйся пока, Сева начнёт через полчасаика...

Она исчезла, кем-то куда-то увлекаемая; я пристроила куртку в маленький гардероб и отправилась в одиночку изучать помещения.

В довольно просторном холле, помимо гардероба, было много глянцево-зелёных растений в разнообразных керамических ёмкостях с хорошей авторской росписью, а под потолком ещё серебрилась забытая мишура новогодних ту-совок. Но народ в основном кучковался в баре и гостиной. Несколько столиков и табуретов в тесноватом баре были плотно заняты, но большая часть входящих и выходящих брала коктейли, которые споро сооружали и выставляли на большой поднос молчаливые парень с девушкой, и отправлялась с ними гулять. Я тоже взяла стакан с жидкостью цвета морской волны и неизбежным зонтиком на соломинке, прихватила с другого подноса тарталетку и побрела в гостиную. Та была довольно-таки просторной, разделяясь на две неравные половины: небольшой, но вместительный зал с рядами стульев и настоящей сценой (микрофоны, подсветка, всё, что полагается), а также целый отсек с камином, креслами и диванами. Последний заполнила неоднородная публика: и мальчишки-девочки в прикидах с продранными локтями и прочими приколами от Галери Лафайетт, и куда более практично и демократично одетые трудящиеся, явно за-

явившиеся сюда прямо из своих редакций или кафедр.

Я увидала шарф и патлы Хлебодарова; меня он не узнал в упор, скользнув рассеянным взглядом, и подошёл к какому-то мужику, расположившемуся со своим стаканом у каминной полки. После их взаимных приветствий до меня доносилось:

– Да, это ты верно: прямо филиал ЦДЛа у Татьяны тут образовался. Но только – три дня в неделю и крепче вина ничего не положено. Так ты в первый раз здесь, значит? К Кире или к кому? – Голос у Хлебодарова, как и в прошлый раз, был отчётливым и недовольным – недовольным, по-видимому, не от настроения, а от особого тембра; его же собеседник говорил совсем тихо.

Услышав что-то про Киру, я невольно пододвинулась поближе и прислушалась.

– Ты её последнюю-то вещь читал?

– Да, – еле слышно отвечал тот мужик, загороженный от меня Хлебодаровым. – Драйв такой хороший... настоящий... А она что, у Стебловского на договоре?

– Ну да. Это ж я её в своё время надоумил: чего сидеть без копейки, напиши для Аркаши пару глав, он тебе – аванс тут же!.. Ну и пошло-поехало. А сейчас он, подлец...

– Вы не позволите? – Прозвучавший голос был виновато-просителен.

Я рассеянно пропустила невысокую девушку, которая села рядом со мной в освободившийся уголок дивана.

Те, к разговору которых я прислушивалась, двинулись в сторону бара – чёрт, вот жалость, но не идти же вслед за ними!..

– Простите, – сказала девушка, – вы случайно не знаете, где может быть Кира Колесникова?

У девушки были пепельные волосы, подстриженные как-то очень тщательно и замысловато, и нежный цвет лица; пальчики с перламутровыми ноготками нервно перебирали незажжённую ментоловую сигарету.

Что-то ты больно робко держишься для такой дорогой стрижки, подумала я, а вслух ответила:

– Да где-то здесь ходит.

...А и правда, где ж она ходит?

– У вас очень интересный свитер, – произнесла девушка после паузы.

– Что? Ах, свитер. Да, спасибо, – ответила я, озираясь по сторонам.

Ещё бы, ласточка, «аранское вязание» – дело хлопотное... А Киры и впрямь не видать.

С эстрады объявили начало вечера, и народ не спеша потянулся рассаживаться поближе. Та самая Татьяна – молодая хозяйка заведения, явно следовавшая заветам старушки Коко, что утверждала: если вы завтра не сможете вспомнить, в чём была женщина накануне вечером, значит, она была одета в высшей степени хорошо и уместно, – представила шуплого поэта по фамилии Кладько, хотя большинству при-

сутствующих он явно был знаком.

Зазвучавшая поэзия оказалась сплошной стилизацией под древнекитайскую, точнее вряд ли кого обманувшей попыткой мистификации, поскольку была объявлена вольным переложением недавно найденных рукописей безымянного автора. Всё это мало меня вдохновляло, тем более что было явно чем-то неновым – по-моему, мне уже где-то когда-то попадались нашенские подражания не то японцам, не то корейцам... Дальний Восток в моде, только почему он ограничивается двумя-тремя странами? Взял бы для разнообразия какой-нибудь Вьетнам, что ли, – раздражённо подумала я.

Слава Богу, перемещения во время чтения вполне допускались – многие входили и выходили свободно, не создавая шума, чему способствовали мягкие ковры и идеально смазанная дверь с лилово-чёрным витражом. Я вскоре тоже поднялась и ушла в бар, где в сизых облаках дыма различила у стойки силуэт Киры. Его, в свою очередь, полуобнимал силуэт мужской; я меланхолически отметила, что волосы у Киры отросли уже ниже плеч (замечательно густые волосы!), взяла с подноса ещё один коктейль – на этот раз золотисто-жёлтый, кинула в рот какой-то орешек и вышла проч.

В холле никого не было, кроме курящей у гардероба стайки стильных девчонок и ещё долговязой фигуры, маячившей возле кадки с лимонным деревцем, в которой я вдруг узнала питерского Ника. Мы молча кивнули друг другу издали, и я отправилась бродить дальше.

За время моих последующих блужданий туда-сюда, включивших ещё парочку коктейлей, мистификатор успел закончить, выслушать какие-то вопросы и ответить на них. Затем ему слегка поаплодировали, поднялись с мест, вновь сбились в несколько тесных компаний, и через полчаса большеинство, наконец, потянулось на выход; одни при этом громко прощались, другие, как видно, собирались отправиться куда-то ещё. Издали я видела, как Кира провожала ту робкую девушку, а затем её, Киру, подхватили и увлекли за собой Хлебодаров с какой-то тёткой... В общем, я поняла, что даже попрощаться толком не выйдет, и решила уходить по-английски.

Верхнюю одежду почти всю уже размели; девушка, которая подавала коктейли, подбирала оставленные прямо на гардеробной стойке стаканы и пепельницы. Я шагнула забрать свою куртку, но кто-то меня опередил, подхватив и подав её, как полагается, и этот кто-то оказался Ником.

– Бла-го-да-рю, – произнесла я, влезая в рукава.

– Кира просила передать: продолжение следует, – сказал он глуховатым голосом.

– Что?

– Они едут в клубешник тут один. Желающие могут присоединиться.

Он сообщил это без малейшего энтузиазма, да и я, немного удивившись предложению, тут же подумала – нет, спасибо, мне, пожалуй, пора, я и здесь-то проторчала одна, нико-

му не нужная, куда ж ещё тащиться в какие-то ночные заведения!.. Но не успела и рта раскрыть, как раздался чей-то недовольный голос:

– Никита, ну вы идёте или нет? Все уж сидят, ждут!..

И Ник, так и не дождавшись моего ответа, автоматически подтолкнул к выходу – вежливо, но решительно, а в дверях даже взял за руку, чтобы не потерять среди бестолково прощавшейся группки людей. И мы как-то быстро оказались на заднем сиденье машины, где ещё трое человек, которым до нас дела не было, оживлённо спорили, как будет лучше проехать – по Тверскому вниз или сразу по Бронной? Девушка на переднем сиденье возмущённо говорила, что дворами тут пройти будет и то быстрее, чем ехать по бульвару, однако при этом вылезать из машины явно не желала. Наконец отправились, и, несмотря на остановки у светофоров, действительно, довольно быстро очутились у цели: длинного одноэтажного строения, – кажется, пристройки к какому-то большому особняку дореволюционной поры. Вход для женщин – надо ж, повезло! – в тот вечер там был объявлен отчего-то бесплатным.

Внутри клуб оказался вполне камерным – никаких танцзалов, бильярдных, курительных, что так часто упоминаются в современных романах (в том числе и Кириных), явно не просматривалось. Похоже, тут было всего два зала – маленький каминный, где сидели за столиками при свечах под стеклянными колпаками, и, побольше, подемократичнее, –

с баром и эстрадой. Мы, как и прочий народ из татьяниного заведения (многие уже были знакомы мне визуально) влились в этот второй зал, увешанный портретами джазменов и рокеров, и быстро смешались с местными обитателями.

Столиков тут было мало, но на свободном пространстве никто не танцевал, большинство предпочитало сидеть на табуретах у стойки или банкетках по углам и внимать. Внимать было чему, во всяком случае, на мой неискушённый слух. Саксофонист на эстраде играл... с немислимо-убедительным драйвом, если воспользоваться терминологией того мужичка, что говорил о Кирином «Шоколаде» (ныне за­тасканное это словечко ещё только входило в быт; я тогда даже не знала точного его перевода, но смысл угадывался легко) ... Где, где, кстати, тот мужичок, я хочу, между прочим, задать ему пару вопросов... вот только дослушаю это пронзительно-бередящее... Чёрт, как же оно меня цепляет... а может, просто алкоголь так действует?..

Я думала что-то подобное, активной всех аплодируя умолкнувшему музыканту, когда ко мне подошёл Ник.

– Ник, откуда ты возник? – поприветствовала я.

– Что будешь пить? – осведомился он слегка неприязненно.

– Как мило с твоей стороны. С чего бы это?

– Что будешь пить? – повторил он, не глядя на меня.

– Скажи, с чего бы это – и я скажу, что буду пить, – заявила я неумолимым тоном.

– Тебя велено развлекать, – произнёс он почти с отвращением.

– Ну, и кем же это велено?..

Он молчал.

– Ну, раз велено, так развлекай, – посоветовала я. – А не стой с кислой рожей.

Он не сдвинулся с места.

– А, так ты про насчёт ещё выпить, – вспомнила я. – Спасибо, но мне, пожалуй, хватит.

Я, хоть и явно слегка перебрала сегодня (моему организму много-то и не надо, если речь о чём-то чуть покрепче тех же «Московских каникул»), но всё-таки вполне отдавала себе в этом отчёт.

– Можешь, впрочем, добыть мне минералки, что ли, если тут водится. А вообще, где Кира?

Он ушёл, не ответив на этот коронный вопрос вечера. Кире, впрочем, я тут же заметила в противоположном конце зала – как всегда, в плотном окружении... Но вскоре я даже успела о ней забыть, перебравшись поближе к эстраде, поскольку там неистовствовал теперь уже гитарист. Наверно, мне не почудилось, что он играл фантастически, поскольку аплодисменты, хоть и были тут, как я успела заметить, довольно вежливыми и воспитанными, принципиально без ажиотации, – продолжались после его выступления целую вечность.

Они уже смолкали, когда я, случайно обернувшись, заме-

тила неподалёку Ника, явно направлявшегося ко мне со стаканом в руке, и только что его настигшую Киру.

– Держи, мы уезжаем, – расслышала я. – Только не потеряй, комплект ведь один!

Тот молча взял то, что она ему протягивала (связку ключей – скорее догадалась, чем увидела я) и также молча сунул в карман.

Кира тут же исчезла в людском мельтешенье, возобновившемся во время затишья на эстраде; Ник подошёл ко мне и протянул стакан.

– Куда она? – для чего-то спросила я, хотя спрашивать было более чем глупо. Небось, куда-нибудь с этим, весь вечер возле неё отиравшимся, – чёрт, ведь я даже толком и не рассмотрела данную особь... Должно быть потому, что глазу и не за что было уцепиться-то...

– Развлекаться, – угрюмо ответил Ник. – Непонятно, что ли – установка сегодня такая: всем развлекаться! – Затем, помолчав, добавил: – Ну, так, может, приступим? Ты, вроде, тоже хотела!..

И вдруг незаметно протянул мне то, чего я раньше в глаза не видала, но, тем не менее, почему-то догадалась, что именно передо мной. Догадалась, конечно, не сразу – поначалу лишь тупо разглядывала маленькую бледно-зелёную подушечку... нет, таблеточку... с еле-проступающим изображением вроде как бабочки...

– Это что – наркота такая, да? – осенило меня. – От кото-

рой скачут до утра, что ли? Сейчас вспомню, как это называется, сейчас...

– Орать на весь клуб необязательно, – прошипел он.

И вовсе я не орала, – никто вокруг и внимания не обратил!

– А это как – неужто за счёт заведения? – невинно спросила я.

– Считай, что да, – поморщился Ник.

(До сих пор не знаю, откуда были дровишки; неужто это он тогда... на свои кровные? Забава-то – не из дешёвых... Вот свезло девушке в тот вечерок!..)

– А мне-то почудилось – такое приличное местечко, – не унималась я.

Ведь действительно, клуб, как было сказано, казался вполне респектабельным – никакой отвязной молодёжи дискотечного типа, публика в основном состоятельная, но не чересчур – похоже, собираются меломаны, в большинстве знакомые друг с другом завсегдатаи, слушать приглашённых музыкантов – и только. Так что предлагаемое выглядело тут делом не слишком уместным – оно явно было занесено кем-то из этой самой разношёрстной полуслучайной компании, с которой и я сюда попала...

– Так ты будешь или нет? – осведомился тот ледяным тоном.

– А вот и буду! – заявила я. – А то такая тоска с тобой!.. И что, запивать полагается?

Он пожал плечами и отвёл глаза. Я отважно проглотила

это дело, затем ещё глотнула минералки, затем осведомилась:

– А сам-то что?

Ник ответил то ли «уже», то ли «успею», – я не расслышала, поскольку опять зазвучала музыка; а после он вообще куда-то делся – ну, и скатертью дорога!..

Вначале я совершенно ничего особенного не чувствовала, разве то, что этот дьявольский саксофон (снова саксофон!) приводит меня в полное исступление – ну, тут, впрочем, и удивляться особо нечего, не дилетанты, поди, выступают, а разве доводилось мне когда слышать живьём работу таких профессионалов?.. А потом оно всё-таки настигло – форменное желание взмыть и летать! Летать было негде и некуда, поэтому я лишь бесцельно кружила со своим опустевшим стаканом – вокруг эстрады и стойки, возле столиков и по коридорчику с диваном для курящих, и когда случайно кого-то задевала, то извинялась порывисто и сердечно – мне ужас как все они нравились! – и меня благосклонно прощали.

Было очень здорово, только слишком уж тесно. Потому, когда однажды меня настиг Ник и, крепко взяв за локоть, решительно произнёс: «Всё, мы уходим!» – возражать не стала, а напротив, бодро отправилась с ним в гардероб, заранее радуясь мысли, что вот как вырвусь-то сейчас на морозный простор!..

На улице и впрямь похолодало, даже редкий снежок по-

шёл.

– Так, метро – в эту сторону, кажется?

– Спыхватилась, – ответил Ник. – Не успеть уже на метро.

– Да? – Я огорчилась, но не слишком.

– Пошли, – потянул он меня.

– Куда это?

– Пешком тут пройдем. Будет тебе раскладушка.

Слово «пешком» мне очень понравилось. Пешком я сейчас могла прошагать хоть пол Москвы!

Прошли мы с ним, надо сказать, хоть и не пол Москвы, но достаточно, как поняла я уже потом. Таинственно темнеющие переулки столичного центра, с редкими прохожими, бешено пролетающими дорогими тачками, что пронзительно визжали тормозами у зелёных светофоров, вызывали у меня прямо-таки безумные приливы энтузиазма. Я то приставала к Нику с возгласами типа: «Понял, питерский, что такое русская столица?», то вдруг вспоминала, что, кажется, где-то тут неподалёку находится классный Шехтелевский особняк – посольство Уругвая, и порывалась его искать и показывать... Но Ник никак не реагировал и, крепко держа меня за руку, неумолимо вёл куда следует.

Миновав оживлённое даже сейчас, ночью, Садовое, мы двинулись дальше, – переулками, затем дворами. А потом оказались на крутой лестнице солидного старого дома, и, наконец, в квартире с высокими потолками, но при этом небольшой и почти пустой. То есть там были какие-то че-

моданы, какие-то опять холсты задниками наружу, но почти при полном отсутствии мебели – кажется, только низкая тахта под пледом в единственной комнате и разобранная раскладушка на кухне. Куда мне, вроде бы, и было предложено укладываться... Или, наоборот, – на тахту? Точно не помню, но в любом случае, спать я не желала. Мне хотелось препираться, спорить, качать какие-то права!

Я, кажется, принялась выступать в том духе, что с таким унылым ничтожеством, как он, Ник, можно сдохнуть со скуки, не дожив до утра, ну и так далее – не помню точно, как именно задирала его ещё; не исключено, что и обидно – хотя, на самом деле, по-прежнему чувствовала исключительную симпатию ко всему существу: стопке белья и утюгу, занявшим единственное кресло в комнате, которое, впрочем, виделось расплывчато, словно во сне; настенному календарю с репродукцией хокусаевской Фудзи, той, где большой мост и лодка (вот он почему-то запомнился чётко); к свету уличного фонаря, слабо светившему сквозь тонкие занавески на кухне, когда выключили свет электрический; ну, и к самому Нику заодно...

Дальше память фиксирует некий провал, следом за которым сразу всплывают еле слышные, но упорные звонки, доносящиеся откуда-то извне. Разлепив глаза, я пыталась понять, что это собственно было – сон, полубредовое бодрствование? В комнате, казалось, плавал серый туман; лёжа

на тахте, я не без труда различила моего спутника – вроде бы он натягивал на себя какую-то одежду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.